

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Седьмое небо

Татьяна Устинова

Седьмое небо

«ЭКСМО»

2003

Устинова Т. В.

Седьмое небо / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2003

ISBN 5-699-17393-5

Лидия Шевелева, корреспондент газеты «Время, вперед!», и не подозревала, что стала пешкой в большой игре, когда получила из анонимного источника потрясающие материалы. Это был компромат на главу юридической службы холдинга олигарха Тимофея Кольцова – Егора Шубина. С ведома своего начальства она написала убойную статью о Шубине – подлом воре с внешностью английского лорда. И уничтожила его. Кольцов выставил Егора на улицу и дал неделю на разбор ситуации... Иначе смерть. Но судьба любит шутить, и она столкнула врагов, Шевелеву и Шубина, вновь, причем Лидия помогла Егору в схватке с бандой подонков, чуть не убивших его младшего брата. Эта встреча поломала планы постановщика игры – Лидии стало ясно, что Егор не мог двурушничать. Понимая, что их хотят уничтожить, Лидия и Егор объединяются, чтобы вычислить общего врага...

ISBN 5-699-17393-5

© Устинова Т. В., 2003

© Эксмо, 2003

Татьяна Устинова

Седьмое небо

Большая игра начнется завтра, и к ней все давно готово: документы, бумаги, люди, которые должны оказаться в нужное время в нужном месте. Выверены и согласованы все детали, даже самые мелкие. Предусмотрены любые неожиданности. На этот раз все должно пройти без сучка без задоринки. Никто не узнает, кто заварил эту кашу, а бороться вслепую так же глупо, как тушить лесной пожар минеральной водой из бутылки.

Завтра. Наконец-то.

Хорошо, когда все наконец готово и точно известно не только когда и как начнется *большая игра*, но и когда и как она закончится. В ежедневнике была отмечена еще одна дата – двадцать пятое декабря. Очень хорошая дата. Просто отличная дата, и выбрана не просто так, а с совершенно определенным смыслом.

Новый год будет новым во всех отношениях.

Основные участники *большой игры* останутся в старом году навсегда. Для них двадцать пятое декабря – идиотский слюнявый западный праздник, которым все так упиваются в последнее время, – не кончится никогда.

Они умрут в Рождество.

Разве не забавно?

Ну вот опять!

Кто-то что-то, как всегда, проשляпил, а она должна спасать положение, пропади оно все пропадом! Разве она виновата, что гениальный корреспондент с многозначительным именем Гриша Распутин опять запил, или закурил, или что там у них принято, у наркоманов?.. Она в сердцах лупила по клавиатуре, и истязаемый старенький компьютер стонал почти человеческим голосом. Он был ни при чем, но Лидия его в этот момент ненавидела.

– Лидия, ты чего? – спросил, протискиваясь мимо, Саша Воронин, корреспондент отдела культуры. – Ты пытаешься компьютер разбить или работаешь?

– Работаю, – процедила Лидия не оглядываясь. Сашка был большой и сильный и не мог пролезть в узкое пространство между ее креслом и стеной, но от злости она даже на сантиметр не подвинулась, хотя чувствовала, как он пытит, пытаясь ее сдвинуть. – И не мешай мне, Христа ради! Надо тебе в коридор, выйди, как все люди, а меня не дергай!

Сашка в конце концов протиснулся и сказал осуждающе:

– Я тебя и не дергаю. Больно надо...

– Ее, видишь, Игорь запряг на ночь глядя, – сказала из угла спокойная и добродушная редакторша Нина. – Гришка опять в отключке, материал не сдал, который в номер давно заявлен...

– Гришка через день в отключке. – Саша остановился на пороге и закурил. В комнате курить было нельзя, за это шибко гоняли пожарные, зато в коридоре можно, и все курили, стоя одной ногой в комнате, а второй в коридоре – так, чтобы и телефон слышать, и пожарных не злить. – У Игоря запасного варианта нету, что ли?

– Лидия у него запасной вариант. – Нина закурила прямо в своем углу. Она проработала в этом здании лет пятнадцать и никого не боялась. – Может, тебе сделать кофе, Лидия?

– Отстаньте от меня немедленно и навсегда, – пробормотала та, лихорадочно читая только что написанное. – Ты не знаешь, Нинуль, у нас в принтере бумага есть еще?

– У нас в принтере бумага с утра кончилась, – ответила Нина с удовольствием.

Она любила, когда что-нибудь кончалось. Добыть в хозотделе бумагу, картриджи, касеты и всякую прочую необходимую мелочь не мог никто, кроме нее. Почему-то заведующая

этим самым хозотделом свою работу понимала как непримиримую борьбу с журналистами, которые изводили кипы бумаги, тысячи картриджей и тонны ручек. Все это она прятала, зажимала, не давала, лично убеждалась в том, что все ручки действительно рассосались в редакционном пространстве, а принтер не печатает, и тогда скрепя сердце выдавала требуемое. Только Нине она почему-то доверяла как себе самой, поэтому на поклон к Нине то и дело ломился редакционный люд, жалобно стenaющий и посыпaющий пеплом свои гениальные журналистские головы.

– Нинуль, – привычно заныла Лидия, не отрываясь, од нако, от текста, – сходи к своей мадам Плюшкиной, а? Если я сейчас в другой отдел понесусь распечатывать, я точно ничего не успею. Игорь еще смотреть должен и править, а он на выпуске, мне его ловить надо...

– Ладно уж, – согласилась Нина, – докурю только и схожу.

Собственный текст Лидии не нравился, выходило как-то коряво и неубедительно, несмотря на то, что материала было много. Работать в такой чудовищной спешке она никогда не любила, хотя знала, что в этом есть определенная журналистская удаля – сел и за пять минут наваял нечто вполне читаемое и приличное.

– Черт бы их всех побрал, – пробормотала она сквозь зубы, имея в виду и нектати впавшего в нирвану Гришу Распутина, и зама главного редактора Игоря Леонтьева, которому пришла фантазия заткнуть Гришкину дырку ее, Лидиной, статьей, а уже конец дня, и очень хочется домой, и понятно, что туда она теперь попадет не скоро – пока напишет, пока Игорь прочтет, пока она все поправит, а потом сдаст на выпуск...

Злясь на весь свет, она зажала ладонями уши, пытаясь осознать, что именно не так в ее тексте и как это можно быстро исправить, но озарение не приходило.

– Я пошла к Галине, – прямо в ее ладонь, прижатую к уху, прокричала Нина. Галиной звали ту самую хозяйственную даму. – Ты все-таки телефон слушай.

– Да пусть он сторит, этот телефон! – проворчала Лидия, отнимая от ушей руки и вновь принимаясь яростно печатать.

Сашка у двери покачал головой.

– Ты что? – спросили из коридора.

– Да вот смотрю, как люди работают, – ответил Сашка с сарказмом. – Как звери!

В дверь заглянули. Лидия даже не обернулась посмотреть, кто именно.

– Надо же, – сказали от двери с уважением, – и впрямь как звери.

Лидия встала и, печатая шаг, как солдат у Мавзолея, подошла к двери и захлопнула ее перед самым Сашкиным носом.

– Надоели, – пробормотала она, возвращаясь за стол. Ко гда минут через пятнадцать пришла Нина и гордо плюхнула на стол две пачки финской бумаги и затейливую коробочку с новым картриджем, Лидия продолжала все так же ожесточенно печатать. Сашка давно ушел.

– Сама поставишь? – спросила Нина у Лидиной спины. – Все равно никого из компьютерщиков нет давно. Один какой-то остался, самый захудалый, пасьянс раскладывает, я сейчас мимо двери в их отдел проходила, видела...

– Поставлю, – сказала Лидия, задумчиво глядя в экран. – Спасибо, Нинуль. Я завтра тебя по-человечески поблагодарю, а сейчас никак не могу, прости.

Нина одевалась за шкафом, гремела вешалкой и ботинками.

– Ладно. – Она выбралась из-за шкафа, обошла стол и поцеловала Лидию в щеку. – Пока. До завтра.

– До завтра, Нинуль, – скороговоркой произнесла Лидия, которой в голову пришла очередная гениальная мысль. – Мы бы все без тебя просто пропали.

– Ну естественно, – согласилась Нина и вышла, заботливо притворив за собой желтую учрежденческую дверь. Моментально стало не то чтобы тихо, а как-то глухо. Редакционная жизнь отдалилась, как шум горной речки, скрывшейся за поворотом дороги.

Хорошо бы хоть полчаса никто не приставал, не торопил, не лез с вопросами про Гришку, Игоря и неожиданный аврал. Всего только полчаса, и она закончит... Полчаса. Полчасика...

Зазвонил телефон.

Лидия подпрыгнула в кресле, потеряв сразу и мысль, и место в тексте, которое только что сосредоточенно правила, и оглянулась на телефон. Он разливался бодрым утренним звоном, и ему было совершенно наплевать на то, что он сбил Лидию с мысли.

– Пошел вон! – закричала она, отыскивая потерянную строчку, но он не унимался. – Я все равно не подойду, – громко сказала Лидия, упрямо глядя в компьютер. – Можешь не орать. Но телефон не поверил в серьезность ее намерений.

Да какой идиот может звонить в учреждение в девятом часу вечера и надеяться, что кто-то снимет трубку?! Она, Лидия, трубку ни за что не снимет.

Телефон звонил.

– Да!!! – проорала она, дотянувшись и нажав кнопку громкой связи на замызганном «Панасонике». – Да! Алло! Алло, черт вас возьми!

В недрах «Панасоника» что-то потрескивало, шуршало и шелестело потусторонним шелестом, но даже отдаленно это не было похоже на человеческую речь.

– Я слушаю, – смирившись с судьбой, уготовившей ей на этот вечер все возможные испытания, проговорила Лидия и подъехала в кресле поближе. – Слушаю вас!

– Большая игра начнется завтра, – вдруг сказал «Панасоник» отчетливо.

– Что? – переспросила изумленная Лидия и сорвала трубку с бледного пластмассового телефонного тельца. – Алло, кто это говорит?!

Но в трубке уже уныло гудел отбой.

Лидия посмотрела сначала на трубку, потом на аппарат, потом послушала монотонные гудки, зачем-то нажала и отпустила кнопку громкой связи.

– Чушь какая! – громко возмутилась она и брякнула трубку обратно на телефон. – Больные какие-то звонят...

Она вернулась к своему столу и уставилась в текст, подрагивавший на голубом экране.

«Противостояние различных властных группировок приняло в последнее время не просто уродливые, а какие-то, скажем прямо, почти комедийные формы. Спросите у своих друзей, чем один воскресный телевизионный вечер отличается от другого, и скорее всего вам ответят, что отличаются они количеством и качеством помоев, какими потчуют друг друга не только политические деятели, но и журналисты.

Чего только мы не узнали в последнее время о сильных мира сего, а также об их женах, братьях, сестрах, любовницах, детях и внуках! Стереотип срывается на все сто – при слове «семья» нам первым делом приходят в голову не собственные мама и папа, а президентское окружение. Как вы думаете, к чему бы это? Я знаю точно – к выборам!»

– О господи, великий боже, я написала это ровно три минуты назад. Почему я никак не могу понять, о чем вообще идет речь?

«Большая игра начнется завтра».

Какая игра? Почему она завтра начнется и кому понадобилось сообщать об этом Лидии?!

Может, завтра футбол, и это какие-то сумасшедшие фанаты балуются? Какой завтра день недели? Среда?

– Что ты переполошилась, как курица? – строго спросила у себя Лидия, и собственный голос в тишине просторной пустой комнаты показался ей до смешного жалким. – Мало ли придурков звонят нам каждый день?!

Она покосилась на молчащий телефон, встала, прошлась по комнате, стараясь не зацепиться любимыми брюками за костистые углы громоздких и очень неудобных канцелярских столов, и заглянула в чайник. Как ни странно, в нем была вода. Должно быть, Нинулька налила, зная, что Лидии непременно потребуется кофе. Чайник – «Щелк! И вода в нем согреется за

одну минуту!» – сразу приятно зашумел, и Лидия насыпала кофе в громадную белую кружку с нарисованным на боку красным сердцем и надписью, сообщавшей почему-то, что «я люблю Нью-Йорк».

«Какая, к черту, большая игра?! Мне нужно работать. Сейчас с воплями ворвется Леонтьев, не дождавшийся на выпуске моей статьи, и будет мне по первое число, а также по второе. Завтра на летучке у главного он начнет долго и нудно объяснять коллективу, как я их подвела, что на меня нельзя положиться, а это была такая замечательная возможность отличиться, поэтому в командировку в ЮАР отправится Павел Владимирович Гефин, а вовсе не Лидия Шевелева... Мне нужно быстро дописать эту дурацкую статью, не отвлекаясь на сумасшедших, которым пришла в голову фантазия набрать редакционный номер».

Лидия залила водой кофе и вновь задумчиво посмотрела на телефон.

Что-то тут не так.

Это звонил не сумасшедший.

Звонил кто-то, кто хотел, чтобы именно она, Лидия Шевелева, сняла трубку и *услышала* этот бред про большую игру. Она была в этом совершенно уверена.

И голос какой-то непонятный – не мужской и не женский. Невразумительный какой-то голос...

Дверь, жалобно скрипнув, отлетела в сторону, Лидия дернулась, взвизгнула со страху и облилась кофе.

– Ты что? – спросил с порога зам главного.

– Ты меня напугал, – ответила она с облегчением и, пристроив кружку на компьютер, стала стряхивать с водолазки кофейные ручьи. – Что ты врываешься, ей-богу? Хоть постучал бы...

Зам главного вдвинулся в комнату и посмотрел на Лидию с любопытством.

– Чего это я должен стучать? Никогда не стучал, а теперь должен стучать?

– Не знаю! – сказала Лидия сердито. – Ты меня напугал, и все. То больные какие-то звонят, то ты врываешься... Кофе будешь пить?

– Буду, – согласился зам главного. – Девчонки на выпуске даже не предложили.

Он сел верхом на стул, пристроил на спинку локти и сцепил ухоженные загорелые руки в белоснежных манжетах трехсотдолларовой рубашки.

– Готов материал?

Лидия налила ему кофе в кружку с надписью «Я люблю чай» и отрицательно покачала головой:

– Нет пока, Игореш... Мне еще полчаса надо... Если б не этот придурок, который позвонил, я бы...

Игорь перебил ее с досадой:

– Плохому бегуну, Лидия, всегда кроссовки жмут. Сказано – сдать через полчаса, значит, и надо сдавать через полчаса. При чем здесь звонки какие-то?

– Он меня отвлек, – Лидия жалобно посмотрела в лицо начальнику, – и из равновесия вывел. Представляешь, позвонил и сказал, что завтра начнется большая игра...

– Завтра? – переспросил зам с недоумением. – Завтра нет никакой игры. Игра в среду. Наши с немцами играют. Это тебя заранее предупредили, чтобы ты не пропустила.

– Ты что? – спросила Лидия с подозрением. – Смеешься?

У них были странные отношения.

Года два назад случилась у них внезапно короткая и бурная любовь, которая так же быстро и бестолково закончилась.

Игорь Леонтьев был женат уже лет двадцать, имел взрослых и умных детей и такую же взрослую и умную жену, которая на шалости талантливого мужа смотрела сквозь пальцы. Или это редакционным барышням казалось, что сквозь пальцы?

Лидия влюбилась в шефа, с которым к тому времени проработала уже больше года, неожиданно и сильно, изменив своему главному жизненному правилу – никогда не связываться с женатыми мужиками.

Потом... потом он так же неожиданно охладел к ней, а она к тому времени уже насочиняла себе сказок о том, как хорошо они будут вместе жить, какие у них будут дети и выходные на даче. Конечно, никаких детей и дач Игорь Леонтьев и не думал планировать, и Лидия выползала из этой никому не нужной любви долго и трудно.

Понесся значительные потери, войска отступили на заранее подготовленные позиции.

Не было никаких подготовленных позиций.

Потери были, а подготовленных позиций не было.

Она чуть с работы тогда не ушла, но уходить было особенно некуда, а зарабатывать нужно, и каждый день начинался с кровавой борьбы с самой собой, и каждый день она напоминала себе, что нужно жить и работать, и есть, и спать, и дышать...

В конце концов она привыкла работать, дышать, есть и спать, не напоминая себе поминутно, что жизнь все-таки еще не кончилась.

Она не любила об этом вспоминать. Сам же «предмет», как называла ее кавалеров бабушка, ничего не замечал.

Он так же легко и блестяще работал, делая карьеру одной левой – так, по крайней мере, это выглядело со стороны, – менял любовниц, сюсюкал по телефону с женой и дочкой и к Лидии относился с ровным покровительственным добродушием, однако ошибок не прощал и никаких скидок не делал.

– Шевелева, ты же классный журналист, что ты несешь про какие-то телефонные звонки, которые тебя расстраивают до невозможности? – спросил шеф, прихлебывая кофе и неприятно морщась. – Распустились вы все от того, что я вас загружаю мало. Ну что ты смотришь?

Иногда, как вот сейчас, Лидию раздражали разговоры о лени и нерадивости сотрудников. Сотрудники были как сотрудники, не более и не менее нерадивые, чем все остальные люди на планете Земля. Иногда, когда им задерживали или не давали зарплату, они работали хуже, чем нужно, иногда, особенно в дни больших потрясений, которые случались то и дело, журналистский азарт брал свое, и тогда все работали не за страх, а за совесть. И газета у них отличная, одна из самых профессиональных, уважаемых и читаемых.

– Игорь, я сейчас допишу, – пообещала Лидия подхалимским тоном. Не объяснять же ему, что она не разделяет его взглядов на всеобщую лень! – Пропусти меня к компьютеру!

– Валяй, – разрешил он и подвинулся. – Дай только я одним глазом гляну, что ты там насочиняла.

Она всегда ужасно волновалась, когда он читал ее тексты. Все-таки журналист он был от бога, и, когда он говорил «плохо», это означало, что написанное на самом деле никуда не годится.

Читал он секунд сорок.

– Вот это ни к черту... и здесь тоже. Перепиши. Не просто поправь, а перепиши. Все остальное нормально, не трогай, а то увязнешь совсем. Поняла?

Это был высший балл, редкая удача. «Все остальное нормально, не трогай...»

– Хорошо, Игореш, – пробормотала благодарная Лидия. – Я быстро управлюсь, быстрее даже, чем за полчаса.

– Давай, я жду, – сказал он уже из-за двери. Лидия подождала, пока затихнут в коридоре его всегда легкие и стремительные шаги, которые она узнала бы и через сорок лет, и повернулась к верному компьютеру.

– Ты меня прости, – сказала она ему. – Тебе сегодня попало...

Он был старый, умный и всепрощающий, как пес. Они с Лидией всегда понимали друг друга.

Она погладила его по пыльному боку и вытряхнула из пачки сигарету. Уже вчитавшись в текст, который надлежало переписать, она вдруг вспомнила про телефонный звонок.

Нет.

Речь шла явно не о футболе.

– Егор Степанович, я вам больше не нужна?

Он не сразу сообразил, что кто-то о чем-то его спрашивает.

Секретарша застыла в дверях с каменной неподвижностью, как жена Лота, обратившаяся в соляной столб.

– Что? – спросил он, помедлив.

Так и есть. Она осмелилась нарушить суверенные границы монаршего кабинета и сделала это не вовремя. Самое легкое наказание – казнь на электрическом стуле.

– Вы что-то сказали? – переспросил он с убийственной вежливостью. – Или мне показалось?

Секретарша у двери совсем перепугалась. Он чувствовал, как волны ее паники разливаются по кабинету и вот-вот достигнут подножия трона – кресла, в котором он сидел.

Ему стало ее жалко.

Нагнал на всех страху, ничего удивительного нет в том, что теперь от него шарахаются сотрудники. А секретарша как раз и ни при чем. Запугивать ее совсем не входило в его планы.

– Вы домой хотите уйти? – спросил он почти человеческим голосом, и она судорожно закивала, боясь не угодить даже словом.

Он усмехнулся.

– Идите, – сказал он, опуская глаза на разложенные бумаги. – Только оставьте где-нибудь на видном месте мое завтрашнее расписание.

Даже не глядя на нее, он понял, что паника ее отпустила.

Она была отличной секретаршей – умненькой, вежливой, хорошо вымуштрованной в той секретарской школе, где ее обучали ремеслу, но держать удар не умела совершенно.

Егор еще не решил окончательно, что будет с ней делать – воспитывать или увольнять. Впрочем, можно не увольнять, а подарить кому-нибудь из замов...

– Расписание, Егор Степанович, – тоненьким голосом сказала она от двери в кабинет и почему-то пристроила папку на край стола для совещаний.

– На мой стол положите, – приказал он, начиная раздражаться. – Спасибо.

Тихо, как мышка, она прошмыгнула по иранскому ковру, устилавшему кабинет, к его столу и беззвучно опустила папку, придавив вчерашние факсы, которые он еще не видел, а должен был бы посмотреть с утра.

Шеф продолжал пялиться в бумаги, а на нее даже не глянул.

– До свидания! – освобожденно произнесла она от двери.

Он кивнул.

В приемной что-то зашелестело, открылась и закрылась дверь шкафа, тоненько запахло какими-то сладкими детскими духами – он ненавидел такие духи, – глухо протопали по ковру каблучки, вежливо скрипнула тяжелая дубовая дверь.

Ушла, слава богу!

Невозможно работать, когда собственная секретарша так раздражает.

Он кинул на бумаги драгоценный любимый «Паркер», потянулся всем телом так, что даже потемнело в глазах и что-то зазвенело внутри головы, вытащил себя из кресла и снял пиджак. Подумал, развязал галстук и закатал рукава рубахи.

Теперь можно работать дальше.

Ему хотелось есть, но тащиться в буфет было лень, а рыться в холодильнике не было времени.

Подумав, он набрал номер. Ответили сразу же.

– Принесите мне чаю, пожалуйста. – Егор откинулся в кресле и с трудом подавил зевок. – Если можно, с лимоном. И бутербродов каких-нибудь.

– Вы сегодня не пообедали, Егор Степанович? – душевно поинтересовались в трубке.

– Нет, – буркнул он.

Когда ему обедать, если на краю стола до сих пор лежат вчерашние факсы, которых он в глаза не видел и не знает, что в них такое!

В ожидании чая с лимоном он просмотрел еще десятка два бумажек, сортируя их по срочности и важности. Ничего особенного, обычная текучка, но из-за этой текучки он никак не мог выкроить время, чтобы как следует позаниматься предстоящим делом, которое уже назначено к слушанию.

Конечно, он выиграет и это дело – мало ли он их выиграл! – но подготовиться все же не мешало бы.

– Ваш заказ, Егор Степанович. – Пожилая дама в сказочном белом переднике и с крошечной кружевной наколкой на волосах внесла в кабинет поднос, держа его полными уютными руками бережно, как шкатулку с драгоценностями. – Разрешите, я накрою?

– Конечно, Катерина Иванна, – сказал он, сразу приходя в хорошее настроение. – Накрывайте.

То ли потому, что Катерина Ивановна его кормила, когда он уставал и хотел есть до беспамятства, то ли потому, что она всегда была похожа на бабушку из старых иллюстраций к сказкам Андерсена, Егор радовался, если ужин ему подавала именно она. Бутерброды казались вкуснее и чай крепче.

Катерина Ивановна ловко раскинула на краю стола хрустящую крахмалом льняную салфетку – и ни одна бумажка у нее не шелохнулась и не покинула своего места, словно волшебный остров вынырнул неожиданно из глубин бумажного моря! – поставила тонкую фарфоровую чашку с блюдцем, и серебряный чайничек с чаем, и еще блюдечко с прозрачными ломтиками исходящего соком лимона, при одном взгляде на которые у Егора стало кисло во рту, и блюдо с бутербродами, и еще одну крахмальную салфетку – для рук.

Откинувшись в кресле, Егор улыбался блаженной улыбкой, глядя на все эти вкусные приготовления.

– Налить, Егор Степанович? – Катерина Ивановна критическим взглядом оглядела свою работу и чуть-чуть поправила завернувшийся уголок салфетки. Все остальное было идеально.

– Налить! – согласился Егор весело. – Спасибо.

– Вы сегодня опять допоздна? – спросила она.

Чай из серебряного чайничка лился в блестящее фарфоровое сердце чашки и закручивался там в крошечный водоворот. От чашки поднимался ароматный пар.

Черт, наверное, все-таки нужно обедать. Он с таким вождением смотрит на эту чашку, как будто это не чай, а бог весть какие разносолы.

– Вы меня о чем-то спросили, Катерина Иванна? – Ему показалось, что он что-то пропустил, пока глотал слюны и умильно смотрел на чайник.

Сказочная бабушка аккуратно вернула чайничек на подставку и повторила:

– Вы сегодня опять допоздна?

Вряд ли кому-нибудь из обслуживающего персонала пришла бы в голову мысль задавать шефу подобные вопросы, но Катерина Ивановна была не просто обслуживающий персонал. Она была для него «своя», за что-то он ее любил, она прекрасно об этом знала и умела этим пользоваться.

– Мы с вами, как всегда, на дежурстве, – пошутил он. Есть хотелось с каждой минутой все сильнее, но при ней он почему-то стеснялся откусить от бутерброда. Может, боялся нарушить гармонию ее идеальной сервировки?

– Приятного аппетита, – быстро пожелала догадливая Катерина Ивановна и бесшумно ретировалась.

Егор подождал, пока стихнут в приемной ее осторожно-тяжелые шаги, и только тогда, как голодный мальчишка-беспризорник из старого фильма про революцию, вцепился зубами в бутерброд и даже заурчал тихонько – так ему показалось вкусно.

Он не будет есть и читать. Черт с ними, с бумагами, он вполне может позволить себе пять минут не заниматься делами. Он осторожно глотнул огненного чая – в животе сразу стало тепло, как будто хлебнул водки.

Стар стал, решил про себя Егор. Стар и слаб. Чай вместо водки пьешь – и счастлив.

Зазвонил телефон. Не выпуская чашку из рук, Егор оглянулся на аппарат.

Странно. Звонили на его личный номер, минуя не только ресепшн компании, но и приемную. Личный номер был только у «своих», а они не могли знать, что он вернулся в Москву. Он должен был прилететь лишь завтра под вечер.

– Алло, – сказал Егор недовольно.

Ему не хотелось ставить родственников в известность, что он уже в Москве. У него совсем не было времени заниматься семейными делами. Он и прилетел до срока специально, чтобы хоть один день поработать спокойно.

– Аллю! – повторил Егор потому, что в трубке молчали. – Аллю, дед, это ты?

– Завтра начнется большая игра, – доверительно сообщила трубка.

– Что? – переспросил Егор. – Вы ошиблись, наверное...

Но в телефонных глубинах уже пиликал отбой.

– Черт знает что, – пробормотал Егор и кинул трубку на аппарат.

Это и вправду было черт знает что, потому что номера его личных телефонов – мобильного, домашнего, рабочего – по идее, должны были быть защищены от идиотов, развлекающихся глупыми звонками кому ни попадя. Значит, все-таки добрались и до его линии. Козлы...

Егор дожевал бутерброд, вытер руки льняной салфеткой и набрал номер.

– Алло, дед, – сказал он и улыбнулся. – Это я. Как ты там? Жив?

– Жив, – бодро проговорил дед в трубку. – Жив и здоров. А ты откуда звонишь?

– Из Москвы, – признался Егор со вздохом. – Хотел, понимаешь, в подполье на денек уйти, но не получается.

– Мы тебе надоели? – спросил дед с сочувствием. – Но ты не переживай, я тебя не выдам. Уходи в свое подполье и ни о чем не волнуйся.

Егор засмеялся.

Своего деда он обожал.

Деду было восемьдесят шесть. Два часа в день он посвящал физкультуре, а в остальное время читал по-английски Шекспира, решал математические головоломки – «чтобы мозги не захрясли!» – и вел их общее с Егором хозяйство.

Егор жил с дедом последние тридцать лет. Дед забрал его у матери, когда Егору едва исполнилось десять. Всю жизнь дед был такой нестигаемый и бодрый, что казалось, он будет жить вечно. По крайней мере, в жизни Егора Шубина дед был единственной постоянной величиной. Егор и делами семьи занимался только потому, что они волновали деда, а внук никак не мог этого допустить. Если бы не дед, Егор давно перестал бы носиться с родственниками и предоставил им разбираться с жизнью, как они знают, но многочисленные проблемы большого и разобщенного семейства имели значение для деда, и Егору приходилось, скрипя зубами, бесконечно всем помогать...

– Дед, меня никто не искал из нашей... психушки? – Егор повернулся спиной к телефону, сполз в кресле пониже и положил ноги на хлипкий компьютерный столик. – Никому я срочно не был нужен?

– Ты всегда всем нужен срочно, – пробормотал дед. – Подожди, дай я вспомню... Нет, вроде никто особенно не приставал. Твоя мать звонила дня три назад, но я, по-моему...

– Да, – сказал Егор тихо, – ты мне передал, что она звонила. А еще кто-нибудь? Племянники? Племянницы? Кузены и кузины? Зятя, снохи, шурины и что-нибудь в этом духе?

– Не что-нибудь, а кто-нибудь, – поправил его дед. – Нет, ничего особенного... А почему ты спрашиваешь?

Дед был любопытен, как мартовский воробей.

– Да мне показалось...

– Что? – спросил дед.

– Ничего особенного, – уверил Егор.

Дед был не только любопытен, но еще имел привычку беспокоиться за него, как будто Егору было не сорок лет, а четырнадцать.

– Просто кто-то позвонил и сказал что-то невразумительное. Вот я и думаю: родственники это или какие-то чужие козлы?..

– Егор, – заявил дед, подумав, – у нас с тобой, конечно, родственники... не сахар. Но никому и в голову не придет просто так тебе звонить.

– Да кто их знает. – Егор снял ноги со столика, боясь, что и столик, и компьютер вот-вот рухнут на пол. – Ладно, дед. Спасибо. Я сегодня буду поздно, ты меня не жди, у меня еще дел полно. И если кто-нибудь из психов позвонит, скажи, что я прилетаю завтра.

– Скажу, – согласился дед. – Хотя врать нехорошо.

Егор засмеялся и повесил трубку.

Чай почти остыл, но он допил его с удовольствием. Когда теперь придется поесть – неизвестно. Домой он попадет скорее всего ночью, а есть ночью – идиотизм. Остатки пиршества он составил на поднос и переставил на переговорный стол.

Где-то тут было завтрашнее расписание, которое ему напоследок принесла перепуганная девочка Юлия. Ага, вот оно...

С утра встречи, встречи, встречи.

В два совещание у шефа, нужно будет доложить, что с тем самым процессом, к которому Егор никак не может подготовиться.

В четыре совещание у него самого, а он про него и забыл.

«Зачем же я его собираю? Что-то ведь у меня было в голове, когда я его назначал, из-за границы звонил, просил в расписание внести... И зачем?»

Тяжко вздыхая, Егор потер затылок.

«Ничего не помню, как склеротичная бабка. Ну ладно, авось к завтрашнему дню вспомню. На худой конец, опять устрою прочистку мозгов всей юридической службе. Просто так, чтобы жизнь медом не казалась.

Господи, каким же идиотом меня, наверное, считают сотрудники! Отвратительным, въедливым, придирчивым, несправедливым, злобным трудоголиком.

Мужчина в период климакса. Кажется, в литературе это называется более благозвучно – кризис среднего возраста.

Звонки...

В десять – разговор с министром юстиции, в двенадцать – с судьей, который будет разбирать то самое дело, в полпервого – с главой юридической службы «Кока-колы», они вместе спонсируют очередное футбольное мероприятие в Москве и в Лондоне. Все остальное – мусор, можно разговаривать, а можно продинамить».

Егору очень нравилось это слово – продинамить.

На глаза попался еще один предполагаемый звонок, и Егор скривился. Заместитель главного редактора газеты «Время, вперед!». Голову бы оторвать тому, кто придумал такое название. Или не голову...

А в общем, газета неплохая: читаемая, уравновешенная и не слишком скандальная. Контролируется дружественной группировкой и ни в чем таком, скользком и сальном, не замечена. Но вот пристали как банный лист – подавай им интервью с шефом, да еще накануне процесса! Пресс-служба перевела все стрелки на Егора потому, что он никак не хотел давать разрешение на это интервью перед самым слушанием. И не даст он такого разрешения, как бы они ни приставали.

На ленч, что ли, пригласить этого самого заместителя главного редактора... как там его... да, господина Леонтьева. Правда, зам главного редактора газеты, даже очень влиятельной и популярной, Егору явно не подходил по статусу, но Егор был тертый калач и знал, что статус статусом, но разговаривать нужно прежде всего с тем, кто действительно принимает решения. Очень даже может быть, что в этой газете решения принимает именно зам, а не главный редактор и не генеральный директор.

«Выяснить, что такое Игорь Леонтьев и откуда он взялся», – записал Егор в ежедневнике. А пока не выяснили – будем его потихоньку динамитить вместе с его газетой.

Жаль, что чай он уже выпил, а больше никаких радостей жизни сегодня вечером не предвидится. Егор еще раз с удовольствием потянулся и принялся за бумаги.

Неподалеку от него человек посмотрел на белый пластмассовый телефон и усмехнулся. Игра объявлена и началась. Тебя предупредили. Сам виноват, раз не понял. Что ж ты за юрист, если не понимаешь самых простых вещей?!

Человек с удовольствием засмеялся. Ничего-то ты не знаешь, Егор Степанович Шубин. Ничего-то тебе не страшно. Ты храбр, силен и уверен в себе, как американский морской пехотинец из кино, а величия и силы твоей осталось ну, может, на неделю-другую, а может, и меньше.

И падать ты будешь долго и трудно. Так долго и так трудно, что тебе покажется, будто ты падаешь вечность. И ты еще будешь проклинать тот день, когда вознесся к своим сияющим вершинам, которые кажутся недостижимыми.

Проклинать, и заливаясь слезами, и умолять о пощаде...

А потом ты умрешь.

Еще из-за двери Лидия услышала телефонные трели, но, как всегда, когда нужно открыть дверь очень быстро, она почему-то не поддавалась. Ключ беспомощно крутился в замке. После каждого оборота Лидия что есть силы кидалась на дверь, но та и не думала открываться и распахнулась, конечно же, в тот самый момент, когда телефонные песни обиженно смолкли.

Звонила мать, в этом не было никаких сомнений.

Лидия аккуратно прислонила портфель к стене, расстегнула пальто и посмотрела на себя в зеркало.

Под глазами синие тени. Щеки и виски желтые от усталости и почти четырнадцатичасового сидения в помещении. Волосы, старательно уложенные утром, давно уже перестали изображать прическу и свисали по бокам унылой физиономии неровными прядями.

Хороша. Что и говорить.

В ванну и спать.

Поесть бы, но есть после десяти она себе никогда не позволяла. Вспомнив, что и поесть нельзя, Лидия вдруг страшно рассердилась.

Ну что это за жизнь?!

Что это за жизнь, если некогда даже сходить в парикмахерскую и отросшие волосы, на которые с утра было потрачено почти сорок минут, лезут в глаза и их приходится то и дело заправлять за уши?! Что это за жизнь, когда целыми днями сидишь на работе, а когда к ночи попадаешь домой, то даже поесть не можешь себе позволить?!

«Почему я должна вкалывать за троих, писать вместо кого-то, по пять раз переделывать уже готовый материал?! Почему мной затыкают какие-то дыры и кидают на ликвидацию каких-то задниц, которые возникают вовсе не по моей вине?! Почему я не могу работать легко и весело, не напрягаясь, как будто работа – это вовсе не образ жизни и источник пропитания, а просто веселая шутка, способ развлечься!»

Лидия знала с десятков журналистских барышень, совершенно не отягощенных никакими соображениями профессионального долга или – господи Иисусе! – трудовой дисциплины. Тем не менее жили они замечательно, все успевали, отлично зарабатывали и время от времени пописывали что-нибудь более или менее бессмысленное.

«Почему же у меня-то так не получается?!»

Никакого определенного ответа в зеркале не вырисовывалось, и Лидия, прихватив портфель, отправилась на кухню. Может, все-таки смалодушничать и поесть? А то ведь никаких сил нет...

Кофе можно выпить, пожалуй. В нем нет калорий.

Лидия поставила чайник и, волоча за собой портфель, поплелась в спальню. Попутно она включила компьютер на маленьком столике. Ей еще предстоит посмотреть кое-какие материалы об уральских машиностроительных заводах и отправить по электронной почте несколько сообщений.

Она уже сняла костюм и, стуча зубами от холода, рылась в гардеробе в поисках любимой байковой пижамы, неизвестно куда засунутой в истерической утренней спешке, когда телефон опять зазвонил.

Трубка, конечно, валялась неизвестно где, вовсе не на аппарате, и Лидии пришлось сделать несколько кругов по квартире, прежде чем она нашлась.

– Да! – В трубке сухо щелкнуло и загудел отбой.

– Да что же это такое?! – спросила Лидия у трубки дрожащим голосом. – Кто это развлекается?! Завтра же куплю определитель номера!

Чем именно ей поможет определитель и что будет делать с номером, который определится, она хорошенько не знала, но сама по себе мысль была утешительной.

Вдалеке за кухонной стеной щелкнул чайник. Можно приступать к кофе. В нем нет калорий.

О боже, боже...

Лидия натянула носки, пижаму, а сверху еще толстенный махровый халат до пят, сунула трубку в карман и пошла на кухню.

Телефон зазвонил, когда она задумчиво водила ложкой внутри медной турки и думала об Игоре Леонтьеве.

Лидия выхватила из кармана нагревшуюся трубку. Ответить или нет?

Почему-то ей вдруг стало страшно.

– Да? – решившись, спросила она.

– Что так поздно? – Голос матери, нежный, журчащий и переливчатый, как горная речка весной, приятно потек Лидии в самое ухо, и от облегчения она прислонилась лбом к белой дверце кухонного шкафчика.

«Господи, да что же это я так перепугалась? Смешно, честное слово!»

– ...уже третий раз, и даже на работу. Где ты пропадала? У тебя свидание?

– Нет у меня никакого свидания, мам. – Лидия достала с полки большую кружку и старинную пузатую, розового стекла сахарницу с неровными тяжелыми кусками настоящего сахара. Она признавала только такой. Как отец. И бабушка. – Просто задержалась на работе. Сдавала материал вместо Гришки Распутина. У Гришки очередной загул. Начальство в бешенстве, ну и мне пришлось срочно выдумывать что-то такое...

Неизвестно, зачем она все это излагала. Матери не было никакого дела до ее работы да и до нее самой. Может, просто для того, чтобы подольше не спрашивать «А как ты?».

Лидия улыбнулась и остановилась на полуслове.

– Ну а ты как? – спросила она, пристраиваясь с ногами в продавленное кресло, покрытое клетчатым пледом. Придерживая ухом трубку, Лидия накинула плед на ноги и осторожно взяла со стола кружку.

Ну вот. Теперь можно жить дальше.

Она отхлебнула кофе, обернула кружку пледом и стала греть руки о старую, моментально нагрешуюсь шерсть. Мать говорила, не останавливаясь:

– ...кроме того, это зависит еще и от мнения Бориса Исааковича, а ты прекрасно знаешь, как Боря ко мне относится еще с институтских времен. Если бы твой отец не был так влюблен и я не боялась, что он что-нибудь сделает с собой, если я предпочту другого...

Все это Лидия слышала два миллиона раз и даже знала наизусть некоторые отрывки из текста.

Сейчас мать обязательно скажет, что ее скромное искусство хоть и не приносит денег и славы, но все же служит утешением не только для нее, но и для тех, кто любит ее и понимает...

– ...и хотя за всю свою жизнь я не заработала даже на приличную одежду, моя живопись служит утешением не только для меня, но и для тех, кто ценит и понимает мои рисунки, а таких очень, очень много, гораздо больше, чем может представить себе ограниченный ум...

Сколько бы раз в день они ни созванивались, мать всегда говорила много и истово, как будто спорила с кем-то, кто в чем-то ее упрекал. Лидии казалось, что всю жизнь мать спорит с бабушкой и отцом.

– ...семья твоего отца никогда, никогда не понимала и не поддерживала меня, – говорила в трубке мать, – мне приходилось искать утешения в работе, и, может быть, именно поэтому сейчас мои работы так высоко оценены и признаны именно теми людьми, чье мнение мне важно и дорого.

Господи, как длинно, как гладко, без единой паузы!

Лидия поставила кружку на стол и, высвободив из пледа руки, потерла щеки. Щеки были холодные, а руки горячие, и ухо вдруг очень устало от льющегося в него переливчатого горного ручейка.

Лидия посмотрела на часы.

Перебивать нельзя.

Перебьешь до времени – жди беды. Мать обидится, смертельно и горячо, как ребенок, у которого в песочнице отобрали ведро и совок. Она бросит трубку и не будет отвечать на звонки Лидии. Ответит она только ближе к полуночи, но помириться сразу не удастся – мать заплачет горячими слезами, и Лидии придется пройти весь путь до конца – рассказ о молодости, об огромных надеждах, которые подавала мать, пока не встретила с отцом, о мещанской семье, в которую она попала, выйдя замуж, о творческом поиске, о немногочисленных тонких ценителях, которые по-настоящему разбираются в искусстве, об интригах в издательстве, о попытках престарелого Бориса Исааковича наладить с ней романтические отношения, о цикле лекций, которые ей предстоит прочесть в Музее Востока.

И еще так: «Мне ничего не нужно от жизни, кроме осознания того, что я прожила ее не зря, что – хоть иногда! – я дарила людям радость!»

А потом так: «Твой отец в конце концов убедил тебя, что мой творческий поиск слишком затянулся, что я ничего не могу дать тебе не только как мать, но и как художник, и все это только потому, что я всю жизнь была на голову выше того мира, в который он старательно затягивал меня, а я сопротивлялась иногда из последних сил...»

Отец ушел, когда Лидии исполнилось восемнадцать и умерла бабушка. Некому стало их мирить, и увещевать, и караулить под дверью кухни, чтобы успеть вмешаться и отвести беду.

Отец ушел, оставив мать в тягостном недоумении. Всю жизнь она была неотразима. Кроме сказочной красоты, у нее были талант, и тонкость восприятия, и бездна вкуса, и блестящее окружение. И еще она была «на голову выше мира», в котором жил отец. Всю жизнь она пестовала и обожала свое чувство долга, которое не позволило ей бросить любящего ее человека на произвол судьбы. И вдруг этот человек... сам ее бросил?!

– ...ты не могла бы поехать? – вдруг выловила Лидия из журчания горного ручейка и как будто проснулась.

Господи, что именно она пропустила?! Прошло уже... Лидия посмотрела на часы. Прошло... – ничего себе! – почти пятнадцать минут.

– Ты могла бы мне переводить, а то я боюсь, что мой собственный немецкий сейчас не слишком хорош.

По-немецки мать говорила, как любой послевоенный школьник – то есть никак, – но у нее были своеобразные представления о собственных способностях.

– Почему ты молчишь? – спросила мать, хотя у Лидии еще не было ни одной возможности что-нибудь произнести. – Я понимаю, конечно, что мои дела – это только мои дела и на помощь, даже самую минимальную, мне не приходится рассчитывать, но и тебе это могло бы быть интересно, Лидия...

Каждую субботу, если не было срочной работы, Лидия ехала на рынок и покупала продукты для матери, а потом полдня убиралась у нее в квартире и готовила нечто «объемное», чтобы хватило до следующей субботы. Мать никогда не умела за собой ухаживать и искренне гордилась этим. Почему-то в ее представление об истинной интеллигентности и утонченности входила полная бытовая беспомощность. Ни разу в жизни Лидия не ездила в отпуск – мать просто умерла бы с голоду во время ее отсутствия, но ни за что не осквернила бы себя прикосновением к сковородке.

– Мам, – нервно сказала Лидия и закурила, – ну что ты... Я же все-таки тебе помогаю.

– Ты?! – изумилась мать. – Господи, она мне помогает! Чем? Дурацкими щами, которые ты варишь раз в неделю?! Ты вполне можешь их не варить, мне это совершенно не нужно! Разве ты делишь со мной мою... жизнь? Мои проблемы? Мои заботы и разочарования? Разве я обрекаю тебя всем этим?! Ведь я не прошу тебя о чем-то... таком... примитивном, но съездить в Гамбург – это же... это же удача!

Так, значит, вот зачем нужен немецкий язык! Гамбург. Как бы осторожно выяснить, что именно там будет происходить, в этом Гамбурге?

– Мам, а когда начинается этот... эта...

– Художественный форум? – подхватила мать. – Через две недели. Представляешь, Боря даже выхлопотал мне в том подразделении ЮНЕСКО, которое проводит форум, бесплатный билет. Тебе, конечно, придется за свой заплатить, но я уверена, что это будет очень полезно для твоей... журналистской писанины. О нетрадиционном искусстве сейчас так много пишут!

Художественный форум приверженцев нетрадиционного искусства в Гамбурге через две недели. Какая прелесть.

– Мам, я сейчас ничего сказать не могу, я даже не знаю, отпустят ли меня с работы.

– Ну что за глупости? – сказала мать снисходительно. – Никуда не денется твоя работа. Да я просто уверена, что твоего отсутствия никто и не заметит. Мы, люди творческих профессий, не можем так... закабалиться. Это неправильно.

«Она уже все решила, – поняла Лидия, – и теперь ни за что не отстанет. Так что в самое ближайшее время мне светит нетрадиционное искусство. По полной программе».

– Мам, это ты творческий человек, а я просто работающая женщина. Делаю то, что мне начальство прикажет.

– А ты разве с ним не спишь, со своим начальством? – безмятежно спросила мать. – Не может же быть такого, что бы твой любовник не отпустил тебя на недельку в Германию!

Лидии стало так жарко под шерстяным пледом, что загорелись щеки. Она спустила ноги с кресла и с раздражением откинула плед.

– Мам, он уже давно не мой любовник. И вообще я не хочу это обсуждать. Если смогу – поеду. Нет – значит, нет.

– Когда ты станешь матерью, Лидия, поймешь, как важно, что бы твои дети тебя понимали и ценили. Я так и не узнала, что это такое – любовь и понимание взрослых детей, которым я отдавала все, которым я служила верой и правдой, для которых...

– Мама! – У Лидии заныло в левом боку, кажется, где-то неподалеку от сердца. – Я же сказала, что постараюсь! Я, честное слово, очень постараюсь, но точно обещать ничего не могу.

– Так я и знала, – прошептала мать и всхлипнула так, чтобы Лидия обязательно услышала, а потом положила трубку.

Лидия протяжно застонала и легла щекой на холодную поверхность стола.

Значит, Гамбург, неформальное искусство, и все это через две недели.

«Билет, конечно, придется купить, и отель тоже никто не оплатит. Две недели я буду, как машина-переводчик, бормотать то по-русски, то по-немецки, донося до заинтересованных сторон мнение друг о друге. Естественно, восторженное. Все эти форумы собираются исключительно, чтобы долго и цветисто хвалить друг друга, оптом и в розницу. Самое интересное и возбуждающее в этом деле то, что мне абсолютно наплевать на нетрадиционное искусство вообще и на немецкое в частности. Но боже мой, разве можно сказать об этом матери, не поссорившись с ней до конца жизни?! Я еще буду умолять ее простить меня за сегодняшний разговор и «равнодушное отношение», и она, прежде чем простит, всю душу из меня вынет».

– Мне нужно посмотреть почту и почитать про «Уралмаш», – сказала она вслух. – Хватит изображать Веру Комиссаржевскую в последнем акте «Бесприданницы».

Решительный тон не помог. Все равно ей было очень жалко себя – усталую, задерганную, перегруженную работой и странными отношениями с собственной матерью.

Нужно поесть, решила она. Когда поешь, жизнь кажется не такой мрачной. Одно-единственное нарушение режима – не в счет.

Через пять минут в кипятке булькали две огромные розовые сардельки, а Лидия, торопясь от голода, кромсала в миску помидоры, огурцы и чуть привядшие листья салата. Еще у нее были греческие маслины в банке, больше напоминавшей флакон для дорогих духов, соленые огурцы и в морозилке – покрытый толстым слоем инея древний батончик мороженого.

И пошло все к черту!

Лидия накрыла на стол, поминутно таская из салата помидоры, выгрузила на тарелку толстую огненную сардельку, но до стола не донесла – откусила прямо на ходу, урча и причмокивая.

Кошмар какой-то!

Разве может молодая интеллектуалка, столичная штучка и неземное создание поесть сардельку, как голодная подъездная кошка?

«Впрочем, никому нет дела до того, *как* я ем. Это просто замечательно – есть и не думать о том, что ты насмерть перепугаешь мужчину, которому пришла фантазия разделить с тобой ужин». Игорь Леонтьев с Лидией никогда не ужинал, а те, что были до него, в счет не шли – это была далекая пионерская молодость, и там вообще все было по-другому, не так, как сейчас.

Тогда почему-то казалось, что любовь должна быть непременно жертвенной, трудной и... вечной. Трудностей иногда не хватало, и их приходилось выдумывать. Да и с вечностью все оказалось как-то не так... однозначно.

Лидия усмехнулась, подбедая с тарелки все до крошечки.

Хорошо-то как, просто не верится, что может быть так хорошо. А впереди еще чай с мороженым!

С огромной, пышущей жаром чашкой и заиндевелым мороженым она уселась перед компьютером. После еды моментально и непреодолимо потянуло в сон. Сблазн был велик, но наплевать на работу Лидия не могла.

Прихлебывая чай, она разбудила отдохавший компьютер, подключила модем и стала дожидаться. Соединилось на редкость легко. В почте лежало всего три новых сообщения, одно, судя по обратному адресу, из ее родной газеты, а два других – от каких-то неизвестных адресатов.

Из редакции пришел окончательный вариант ее статьи, которую Леонтьев еще раз поправил. Лидия прочитала его со смешанным чувством удовольствия и страха.

Завтра, когда она возьмет в руки свежий номер, собственные слова покажутся ей совсем чужими, как будто написанными другим человеком, и она станет внимательно всматриваться в них, изучать подробно и придирчиво, выискивая изъяны и недостатки, и ей будет ужасно стыдно оттого, что собственный текст вызывает у нее такие бурные эмоции.

Зевая, она открыла следующее сообщение.

«Если вы придете в пятницу в клуб «Две собаки», получите важную информацию, связанную с вашей работой. Она не бесплатная, но дело того стоит. Столик для вас заказан. Подробности на месте».

Лидия замерла с открытым ртом, так и не зевнув до конца.

Что за номера?!

Она пробежала сообщение еще раз. Все правильно, и адрес ее, никаких ошибок.

Какую информацию она получит в пятницу в клубе «Две собаки»?!

Как у любого журналиста, пишущего на политические и околополитические темы, у нее были свои осведомители в различных «государственных и коммерческих структурах». Толку от них было мало, как правило, они всего боялись, а у Лидии не было возможности платить им столько, сколько платили ее более богатые или «раскрученные» коллеги. До настоящей собственной агентуры следовало еще дорасти, и Лидия точно знала, что дорастет она не скоро.

Тогда что означает это сообщение?!

Она вовсе не так знаменита, чтобы информация сама шла к ней в руки.

И что значит «не бесплатная»?

Не бесплатная – это значит платная, так сказала она себе. Но что можно считать платной? Сто долларов? Пятьсот? Десять тысяч?

И адрес... Как его нашли? Просто бродили по Интернету да и нашли? Почему именно ее адрес?

Лидия со стуком поставила кружку на стол, подумала и написала сверху загадочного послания: «Я не понимаю, о чем идет речь. Проверьте адрес, вероятно, вы ошиблись» – и щелкнула «мышью» в окошко «ответить».

Компьютер покорно мигнул, словно собираясь с силами. Лидия настороженно ждала.

«Сообщение отправлено», – доложил компьютер.

Ушло?! Лидия удивилась. Она была совершенно уверена, что переслать ответ не удастся. Ну что ж, подождем...

Через пять минут ей надоело сидеть, уставившись в экран, и она открыла последнее сообщение в сегодняшней почте. Это оказалось вполне приземленное коммерческое предложение от каких-то дилеров мобильных телефонов. Лидия зачем-то прочла его три раза и удалила из памяти.

В компьютерных недрах приятно звякнул колокольчик – получено сообщение. Лидия прямо-таки чувствовала разгорающийся то ли в желудке, то ли в его окрестностях пожар любопытства, смешанного со страхом и оттого еще более возбуждающего.

Это был все тот же текст, к которому она сверху приписала свое послание. Неизвестный отфутболил его обратно, только теперь сверху было написано: «Никакой ошибки. Не валяйте дурака. Вам очень повезло. О цене договоримся позже».

«О господи, это действительно прислали именно мне. Кто-то знает меня, хотя всю жизнь я пишу под разными псевдонимами; кто-то знает мой электронный адрес и место моей работы».

От этого Лидии вдруг стало не по себе.

Она никогда не думала, что журналистская известность – это некая реальность. Конечно, есть журналисты такие же знаменитые, как поп-звезды или даже больше. В основном это телевизионщики, физиономии которых ежевечерне выглядывают из присутствующих в каждой квартире «ящиков», и двое-трое из пишущей братии. Пишущих в лицо, как правило, никто не знает, все больше по фамилиям, и известность у них не слишком... широкомасштабная. Но она-то, Лидия Шевелева, в категорию известных никак не попадала. Такое сообщение еще, пожалуй, мог получить Игорь Леонтьев, но не она.

Может, кто-то шутит, как давеча про большую игру?

Читать про «Уралмаш» ей что-то совсем расхотелось.

И что это за клуб «Две собаки»? Она никогда про такой не слышала.

Ну что? Звонить Игорю или подождать до завтра? Конечно, срочности никакой нет, таинственное свидание назначено на пятницу, а сегодня только понедельник, кроме того, Игорь – она уверена! – ее засмеет. Скажет что-нибудь вроде того, что это такой модный способ с девушками знакомиться.

«Отстань от меня, Шевелева, со своими вечными глупостями!»

Но она уже знала, что даже если Игорь ее засмеет, она все равно пойдет на это свидание. Недаром она стала журналисткой, а не зубным врачом, к примеру.

С самого детства ее разбирали любопытство и живейший интерес ко всему, что происходило вокруг нее. Она умела видеть то, чего не замечали остальные, и из-за этого частенько попадала во всякого рода переделки.

Лидия задумчиво распечатала сообщение, сложила листок пополам и сунула в портфель.

Она даже не подозревала о том, что «переделка», в которую она угодила на этот раз, совсем не так безобидна, как большинство прежних, и что ее компьютер оказал бы ей неоценимую услугу, если бы сгорел в тот самый момент, когда пришло загадочное сообщение.

Машина устало затормозила у въезда в подземный гараж, как будто клюнула носом, засыпая.

Егор зевнул, не разжимая челюстей.

Все хотят спать – и люди, и машины. Нужно срочно ехать в отпуск. Только вот куда?.. «В Москву, в Москву!» – восклицали чеховские барышни, и их тонкие натуры трепетали от одной мысли о столице. Что бы такое придумать, от чего затрепетала бы тонкая натура Егора Шубина?

Он засмеялся и передернул плечами. Холодно, а он, как всегда, в одном пиджаке. Благородные кашемировые пальто в машине мнутся, как самые обычные, неблагородные, а куртки носить не позволял раз и навсегда выбранный стиль преуспевающего делового человека. Черт бы побрал этот стиль, черт бы побрал эту работу, черт бы побрал все на свете...

Покопавшись в бардачке, он выудил громоздкий брелок с дистанционным управлением гаражных ворот и нажал кнопку.

Ворота не шелохнулись. Егор протяжно вздохнул и нажал кнопку еще раз.

Потом еще.

Потом снова нажал и долго не отпускал, уже понимая, что в гаражных мозгах что-то заклинило и сейчас придется вылезать из машины, звонить в звонок и ждать, когда охранник проснется и откроет ему вожденный путь домой. Откройся, Сезам...

Какой длинный день, какой чудовищно длинный день, и он все никак не кончится!

Соблазн бросить машину у ворот и пойти спать был велик, но Егор пересилил себя. Бросить, конечно, можно, но утром он точно найдет ее без колес, приемника и ветрового стекла. Это мы уже проходили, спасибо, не надо. В припадке безнадежной жалости к себе он еще раз нажал и отпустил кнопку дистанционного управления.

Ничего.

Тогда он от души послал подальше ворота, машину и всю свою неудавшуюся жизнь и открыл дверь.

Плотный холодный ветер рванул полы пиджака, закинул за плечо галстук, хлестнул по лицу, как будто сырой перчаткой. Егор поймал галстук и быстро застегнул пиджак. Только бы охранник спал не слишком крепко...

Неясная тень мелькнула за полированным боком машины, и Егор настороженно оглянулся. Конечно, район спокойный и дом охраняется всеми способами, которые только можно купить за деньги, но все же в Москве живем, не в Женеве...

Фонарь освещал машину и пяточек асфальта перед воротами, а сзади и сбоку растекалась непроглядная осенняя темень, и в ней невозможно было ничего разглядеть.

Ключи... А, дьявол, ключи он оставил в зажигании. Идиот!

Тень мелькнула снова, уже ближе и определеннее, и Егор вдруг подумал, что под этим чертовым фонарем его самого отлично видно, а он не может рассмотреть ничего, что выходит за границы магического круга, очерченного желтым светом. Он сделал еще шаг и поднял руку, чтобы позвонить, когда из темноты на него прыгнуло нечто тяжелое, кожаное, воняющее перегаром и давно не мытым телом. Прыгнуло, отбросило занесенную руку и пробормотало в ухо:

– Не рыпайся, мать твою...

Егор и не думал рыпаться. Чего-то в этом духе он и ожидал, когда заметил шевеление за машиной, а дергаться, пока он не рассмотрел, с кем имеет дело, было бессмысленно.

Ну и день. Просто петь хочется от радости.

– Посмотри в карманах! – скомандовал из темноты второй. – Может, у него там пистолет.

Пистолет у Егора был, но не в кармане. Сдерживаясь, чтобы не врезать наугад по сопящей от страха и напряжения морде, он дал себя ощупать. Ясное дело, никакого пистолета в карманах не обнаружилось. Зато обнаружился бумажник, который был так лихо выужен, что затрещала подкладка. Жалко пиджак, Егор надел его только во второй раз. Сволочи, такую вещь испортили...

– Поставь его лицом к стенке, – продолжал руководить второй. – Ну ты, давай поворачивайся, твою мать!..

– Чего надо? – спросил Егор, тоскуя о порванном пиджаке. – Надо-то чего?

– Давай мордой к стенке, сволочь! – заверещали из темноты. – Ну?!

Тот, который шарил по его карманам, вцепился Егору в волосы и сильно толкнул вперед, к кирпичной стене. На ногах Егор удержался, но споткнулся и выставил руки, чтобы не упасть. Ладони размазало по кирпичам, и стало больно. От этой неожиданно сильной боли Егор вдруг озверел. Его никто не бил уже лет двадцать.

– Тащи его сюда, мать его! – скомандовал невидимый руководитель операции. – Там кругом охрана, мать ее...

Должно быть, это выглядело живописно – темная ночь, беспомощный, напуганный мужчина в дорогом костюме, с закинутой головой, шипящий от унижения и боли, и два матерящихся сопляка, чувствующих, что «наша взяла». В том, что на него напали какие-то сопляки, Егор уже не сомневался. Пожалуй, он даже знал, что им от него нужно.

Стараясь не делать лишних движений, чтобы не получить по физиономии – завтра на работу! – Егор послушно шагнул в темноту и оказался прижатым к холодной железной решетке, огораживающей двор его дома.

Рыбьей чешуей блеснула сталь, и Егор почувствовал у горла холодное лезвие.

Все по правилам, как в кино.

Вот козлы!

Глаза быстро привыкли к темноте. Еще в армии ему говорили, что он видит в темноте, как кошка. Очки придавали ему элегантно-отстраненный вид, но видеть не мешали. Впрочем, придуркам об этом не было известно.

Рука, заломленная за спину, сильно ныла, и ладонь, кажется, кровоточила. Этого еще не хватало.

Тот, первый, продолжал ломать его руку и тяжело сопеть в ухо, второй приблизился, придирчиво осмотрел Егора, понял, что он не представляет никакой опасности, и вдруг ни с того ни с сего рванул его за галстук.

Егор хрюкнул – галстук впился в шею, мгновенно стало трудно дышать и потемнело в глазах.

– Ну ты! – сказал второй ласково и приблизил физиономию к покрасневшей щеке Егора. – Небось давно уже в штаны наложил, а? Смотри, Вован, дяденька уже в штаны наложил, а мы ему даже больно не сделали. Эй, дяденька! Мы тебе еще больно не сделали, а ты уже... Мы с тобой поговорить хотим, дяденька. Ты не бойся, мы тебя сильно бить не будем. Немножко только поучим, мать твою... Мы с тобой поговорим малость, а ты нам бабок дашь. Ты же не жадный, а, мужик? Мы жадных не любим! Пошел в машину, быстро!

И он снова дернул Егора за галстук.

Егор решил, что с него хватит.

Свободной левой рукой он быстро и точно ударил по шее разговорчивого сопляка и даже успел заметить в его глазах несказанное изумление, прежде чем тот захрипел и рухнул на асфальт. Остолбеневшему от неожиданности Вовану он коротко заехал в физиономию, поймал выскользнувший, как рыбка, нож и положил в карман пиджака. Вспомнив про пиджак, он посмотрел на присевшего от удара противника и ударил еще раз. Просто так, от злости. Калечить их он не собирался.

Пока они, кашляя, ковырялись на асфальте, Егор осмотрел свои руки. Кожа кое-где была содрана, и правая ладонь сильно кровоточила, а ему завтра с шефом встречаться!.. В самый раз обмотаться бинтами – и к шефу. Полный вперед.

Морщась, Егор посмотрел под ноги, стряхнул с ладони кровь и за шиворот поднял руководителя операции.

Руководитель закатывал глаза и шумно сглатывал. Опасаясь, что юнца вырвет прямо на его многострадальный галстук, Егор брезгливо отстранился, но куртку не выпустил.

– Я же спрашивал, – сказал он и встряхнул то, что болталось внутри куртки, – чего нужно? Когда взрослые спрашивают, отвечать надо.

Руководитель высунул язык и коротко задышал, как перегревшаяся на солнце собака. Ему было плохо – и хорошо станет еще не скоро, это Егор знал точно. Из собственного опыта.

– Еще раз спрашиваю, – повторил Егор устало, – что нужно? Давай, давай, соображай быстрее!

Руководитель вытаращил бессмысленные белые глаза, силясь сфокусировать взгляд на Егоре.

– Ну что? – поторопил Егор. – Вспомнил? Вспоминай, холодно очень.

– Димка... – пробормотал руководитель, делая судорожные движения горлом, – он денег должен... Пашке Хвосту... Пашка... послал...

– Ко мне послал? – уточнил Егор и еще раз встряхнул куртку.

– Все знают, что у Димки... братан богатый... Мы и решили...

– Решили! – фыркнул Егор и разжал руку. Юнец повалился на колени, потом встал на четвереньки и стал раскачиваться из стороны в сторону. Ему было даже хуже, чем предполагал Егор. Слабоват оказался руководитель. Слабоват и хлипок. Его напарник сидел, привалившись спиной к ограде, и заунывно стenal, закрыв лицо руками.

– Сколько денег? – Только спросив про деньги, Егор вспомнил, что бумажник они у него вытянули. Носком ботинка он слегка пнул в бок стенающего Вована и протянул руку. Бумажник мгновенно ткнулся ему в ладонь сытым кожаным брюхом. Егору стало смешно.

– Триста... – кашляя, выдавил из себя руководитель.

– Стоило так надрываться... – пробормотал Егор и, вытащив три бумажки, кинул их в лужу. Бумажки задрожали, разлетелись. Юнцы как по команде повернули головы и уставились на доллары, плывущие по сморщенной от ветра луже к другому берегу.

– Больше ко мне не ходите, – предупредил Егор, засовывая бумажник в карман. – Денег не дам. И Пашке вашему передайте, пусть он лучше с Димкой никаких дел не имеет. Это вам повезло еще, что охрана не выскочила. Отметелили бы всерьез. Они ребята дотошные. Все ясно?

Несостоявшиеся головорезы заворуженно смотрели на него, как бы опасаясь, что он передумает и сам начнет их «метелить» всерьез.

– Пока, ребята, – попрощался Егор и пошел к освещенному подъезду.

Господи, какой идиот его брат! Сто раз говорил матери, что парень пропадет, если никто так и не удосужится обратить на него внимание, так нет же! Дошло до того, что какие-то молодкососы из-за Димкиных шалостей пристали к Егору. Сдохнуть можно от смеха...

Железная дверь, примостившаяся рядом с гофрированными воротами, распахнулась в тот самый момент, когда Егор поднял руку, чтобы нажать кнопку домофона.

– Егор Степанович! – выпалил заспанный, но рьяный охранник и заглянул Егору за спину. – Я смотрю, машина ваша подъехала, а вас нет...

– Все в порядке, – сказал Егор. – У меня брелок опять не работает.

И, проследив за взглядом охранника, тоже оглянулся в темноту. Двое из лужи улепетывали, спотыкаясь и чуть не падая. Охранник вытаращил глаза.

– Все в порядке, – с нажимом повторил Егор, не в силах ничего объяснить.

Раньше надо было проявлять служебное рвение, сердито подумал он про охранника. Теперь чего же... А Димку он отлупит, как только до него доберется.

– Можно я уже заеду? – спросил Егор вежливо. – Третий час...

– Да я сам заеду, Егор Степанович, – заторопился охранник и еще раз оглянулся в темноту, где стихали шаги молодкососов. – Поднимайтесь к себе. И рука у вас...

– Царапина, – усмехнулся Егор и вытер кровь о кирпичную стену. – Спокойной ночи. Ключи в зажигании.

«Ну, родственники, погодите... Вы меня еще не знаете. Привыкли относиться ко мне, как к доильному аппарату, из которого можно бесконечно надаивать деньги, не хватало еще из-за вас в уличные потасовки ввязываться...»

Егор ввалился в квартиру и, сердито сопя, стал стаскивать с ног ботинки. В глубине квартиры горел свет – дед, должно быть, ждал его, как обычно, до глубокой ночи.

Расшвыряв ботинки, Егор прошлепал в ванную и открыл воду. Ранения оказались поверхностными и незначительными – просто содрана кожа. От воды ладони сразу зашипало, и Егор стал шарить на полках в поисках йода.

Где в их квартире может быть этот растреклятый йод?!

Он с силой захлопнул пижонскую зеркальную дверцу и очутился нос к носу с дедом, который маялся у входа в ванную и не решался войти.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

- Что так поздно? – наконец бодро спросил дед. – Я тебя раньше ждал.
- Я гулял, – заявил Егор тоном восьмиклассника, опоздавшего к семейному просмотру программы «Время». – А что? Я пропустил что-то интересное?
- Что у тебя с рукой? – спросил дед. Когда ему не нужно было прикидываться беспомощным стариком, он становился зорким, как горный орел, вылетевший на охоту.
- Шальная пуля, – объяснил Егор терпеливо.
- Он вышел из ванной, обошел деда и отправился в кухню.
- Дед! – закричал он оттуда. – Ты не знаешь, у нас есть еда?
- Какая шальная пуля? – спросил дед, появляясь на пороге. – Что произошло, Егор?
- Произошло столкновение с реальностью, – сказал Егор и распахнул холодильник. – Два-ноль в мою пользу. Будешь омлет?
- Все живы? – осведомился дед. – Обошлось без жертв?
- Без жертв не обошлось, но все живы. – Егор налил в миску молока и стал ожесточенно взбалтывать. – Поставь на плиту сковородку.
- Егор, ты можешь говорить по-человечески? – Дед зашел наконец в кухню и водрузил на полированный пластик плиты плоскую сковородку. – В конце концов, я твой единственный дед и ты должен разговаривать со мной уважительно.
- Уважительно не могу, – ответил Егор, продолжая болтать вилкой в миске. – Есть очень хочется.
- И пиджак порван, – заметил дед осторожно. – Ты что? И вправду... дрался?
- Я не дрался. – Егор вылил яйца на раскаленную сковородку. – Я бил морду. Точнее, не морду, а две. Дед, все это совсем неинтересно. Я никого не покалечил, если ты об этом...
- Дед присел к столу и положил на светлое дерево узловатые красные руки. По тому, что он не сел на свое любимое место – в кресло с высокой спинкой, стоящее вплотную к окну, – Егор понял, что он действительно сильно волнуется. Это уж совсем ни к чему...
- Дед, я же тебе говорю, что все в порядке! Что это ты разнервничался? Мало ли придулков по ночам шляется...
- Он приподнял ножом край омлета, проверяя его готовность. Есть хотелось так, что Егор готов был съесть его сырым.
- Это из-за Димы, да? – спросил дед тоном провинциального трагика, дающего бенефис. – Все случилось из-за Димы?
- От столь неожиданного всплеска пронизательности Егор оторопел.
- С чего ты взял?
- Адвокат в нем часто брал верх над обычным человеком, и поймать его на слове было непросто.
- Что это тебе в голову пришло?
- Он здесь, – сказал дед несчастным шепотом. – Он здесь часов с шести, и мы знали, что ты будешь сердиться.
- Кто здесь?! – переспросил Егор, начиная раздражаться. – Димка?
- Он спит, – торопливо предупредил дед. – Мы тебя ждали, ждали, и он уснул. Не буди его, пожалуйста.
- Я его сейчас отлуплю, – мрачно пообещал Егор, глядя в омлет. – Что ему нужно? Зачем он приехал?
- Ты бы поел сначала, – посоветовал дед. – Смотри, у тебя сейчас все подгорит.
- Дед, не увиливай! – прикрикнул Егор.
- Я не буду разговаривать с тобой о Диме, пока ты не придешь в себя! – отрезал дед. Упрямство у них было семейной чертой. – Садись и поешь, а потом поговорим.
- Не буду я с тобой разговаривать, – пробормотал Егор. – Я сейчас пойду, подниму этого ублюдка с постели и надаю ему по физиономии. Ясно тебе?

– Егор! Дед! Чего орете? – раздался с порога хриплый голос. – Спать не даете. Егор и дед разом повернули головы.

Держась за косяк, в дверном проеме стоял лохматый верзила в джинсах и мятой майке навывпуск. У него была отекая физиономия с кучками юношеских прыщей и неопрятной щетиной и громадные, как у орангутанга, ручки.

– Хочешь в морду дать? – спросил верзила у Егора. – Ну давай, чего ты ждешь-то? А приехал я не к тебе. Я к деду приехал, я даже не знал, что ты уже вернулся. Я сейчас уеду. Мне твоя квартира на фиг не нужна.

– И мои деньги тебе тоже на фиг не нужны, я так понимаю? – спросил Егор холодно.

От одного взгляда на собственного брата он начинал исходить тихим бешенством. Чтобы не сорваться и впрямь не съездить по заспанной оплывшей физиономии, он быстро занялся делом – достал тарелки себе и деду, положил вилки, разыскал в холодильнике воду.

– Меня, значит, за стол не приглашают, – наблюдая за ним черными, как ночь, глазами, констатировал верзила.

Эти чертovy глаза не давали Егору Шубину никакого покоя. Они были точно такими же, как его собственные. Еще одна семейная черта. Сгинула бы она куда-нибудь, вся эта фамилия!

– Садись, Дима. – Дед поднялся. – Садись, я не буду. Среди ночи есть очень вредно. Егор у нас человек занятой, ему днем поесть некогда, а тебе можно в любое время суток, ты же еще растешь. – Не нужна мне его еда! – пробормотал брат ожесточенно. – И сидеть я с ним не хочу. Я сейчас уеду.

– Валяй, – сказал Егор, не оборачиваясь. – Только объясни мне сначала, откуда взялись триста долларов, которые я за тебя двадцать минут назад отдал каким-то двум малолеткам, и кто такой Пашка Хвост, и вообще что все это значит!

– Господи боже мой, – пробормотал дед, – триста долларов?

– Если ты начал колотиться, можешь проваливать ко всем чертям! – Егор уселся за стол и отломил горбушку от буханки свежего черного хлеба, за которым дед каждый день бегал довольно далеко – в мини-пекарню на бульвар. – Спасать тебя, козла, я не собираюсь. У меня и без тебя работы по горло. Дед, поставь чайник.

Брат сел к столу и водрузил ноги на гобеленовое сиденье соседнего стула так, что мятые черные носки оказались прямо у Егора под носом.

– Какое тебе дело, начал я колотиться или нет? – спросил он. – От наркоты скорее сдохну, то-то ты обрадуешься.

– Дима! – прикрикнул дед. Егор взглянул на него с подозрением.

Дед очень боялся их ссор и, когда они ссорились, старательно прикидывался дряхлым, больным стариком, которому еще в пятьдесят третьем году доктора прописали полный покой. Братья знали, что он прикидывается, но все-таки верили ему и старались ссориться так, чтобы он об этом не знал.

– А бабок у тебя полно, – продолжал Димка все тем же тоном. – Что тебе триста зеленых? Один раз в ресторан сходить? Ну, считай, ты сегодняшний ресторан за меня отдал, а то бы прожрал все...

– Дима! – страдальческим голосом укорил дед. – Как ты разговариваешь!

– Нормально! – отрезал Димка. – Подумаешь, триста баксов...

Егор доел омлет, попил воды из высокого стакана и за майку поднял Димку со стула. Стул грохнулся на пол.

– Егор! – простонал дед сзади.

– Это не твое собачье дело, на что именно я трачу свои деньги, – проговорил Егор отчетливо. – Я их зарабатываю, а не ворую и не нахожу на улице. Я не желаю иметь дела с твоим

окружением. И с тобой я бы даже разговаривать не стал, если бы не дед. Так что пока ты в моем доме, веди себя прилично, понял, братик?

– Понял, отпусти! – Скопив глаза, Димка дернулся и освободился от хватки брата. Егор посмотрел на свои ладони, которые опять закровоточили.

За что ему такое наказание? За какие грехи?

– Давай, – сказал он брату. – Валяй. Откуда взялись триста долларов и почему они их с меня спрашивали?

Димка поднял упавший стул, сел на него верхом – слава богу, хоть носки не стал под нос совать – и заскучал.

Дед достал из ящика с лекарствами пузырек и стал капать в рюмочку прозрачную жидкость. Остро запахло валерьянкой и еще какой-то дрянью.

Егор уже понял, что ничего объяснять брат не собирается, да ему и не особенно хотелось слушать.

Наверное, это было неправильно. Наверное, нужно выпытать у него все, принять какие-то адекватные меры, заставить раскаяться и ступить на правильный путь, привести поучительные примеры из собственной жизни или из жизни героев Гражданской войны. Ничего этого Егор делать не стал.

У него не было сил.

Он хлебал противный растворимый кофе, рассматривал брошенную на столе газету «Коммерсант» и мечтал лечь спать.

– Дима, – тихо сказал дед, – ты что, не понимаешь, что ведешь себя просто непозволительно? Что за истории? До чего дошло?! До уличных потасовок?! О чем ты думаешь? Ты бы хоть объяснил нам, в чем дело...

– Да ничего я не хочу вам объяснять, – устало ответил Димка, и Егор поднял на него глаза. – На х... вам нужны мои объяснения?! Деньги у тебя больше просить никто не будет, не бойся. И эти верну. Завтра разберусь со всеми и верну...

– Ну да! – Егор поднялся и выплеснул остатки кофе в раковину. – Ты разберешься. Ты бы для разнообразия в институт сходил, может, там чего новое проходят. Мне завтра с утра работать, а я тут с вами валандаюсь, как нянька...

– Я сейчас уеду, – заявил Димка и с вызовом взглянул Егору в глаза. – Я не к тебе приезжал.

– Это мы уже слышали, – пробормотал Егор. – Дед, ты объясни ему, что квартира на охране, и если он сейчас начнет в дверь ломиться, придут менты и нам разборка как раз до утра хватит. Так что все ложатся спать, как хорошие мальчики. Дед, тебя это тоже касается.

В ванной Егор с наслаждением почистил зубы, уставшие за день от кофе и сигарет, и только залез в горячую, исходившую успокоительным паром воду, как в дверь поскреблись и на пороге показался дед.

– Что это ты так задержался? – спросил Егор сердито. – Я думал, ты сразу притопаешь меня жалобить. Ну? Какую он тебе историю рассказал на этот раз?

Дед вынул из корзины свежее полотенце и тихонько положил на край черной ванны, в которой лежал Егор.

– Мать его выгнала, – сказал дед жестко. – Две недели назад. Он жил у какого-то Дрона, но три дня назад его выгнали и оттуда. Одну ночь он переночевал у подружки, вторую на вокзале, но там его забрали в милицию, потому что у него не было с собой паспорта.

– Били? – Не знаю. – Дед присел на пуфик и пригорюнился. – Идти ему некуда, он даже вещи забрать из той квартиры не хочет.

– И что я должен делать? – спросил Егор злобно. – Рыдать над его горькой судьбой?

Он всегда злился, когда не знал, что делать. Что делать с Димкой, он не знал совершенно.

Димка вышел из-под контроля, когда ему было лет десять, и с тех пор загнать его обратно никому не удавалось, да никто особенно и не старался.

Маргарите – их общей матери – на Димку было наплевать. Отец его, как и отец Егора, растворился в необозримых российских просторах сразу после Димкиного рождения. Двадцатилетний Егор заниматься новорожденным братом не мог – он тогда только-только пришел из армии, поступил в университет и жил с дедом, потому что жить с матерью не мог никогда.

Димка с первого дня своей жизни был никому не нужен и всем мешал.

– Пусть поживет у нас, Егор, – попросил дед жалобно. – Ну куда он пойдет? Сразу в тюрьму?

За этот просительный дедов тон Егор неожиданно и остро себя возненавидел.

Дед, не задумываясь, взял его к себе, когда жизнь с матерью стала невыносимой. Он растил его – занимался с ним геометрией, лечил от постоянных ангин, которые мучили Егора, когда ему было пятнадцать, приезжал к нему в часть на присягу, привозил колбасу и яблочное варенье собственного сочинения, переписывал за него курсовые работы в университете, когда у внука не хватало сил. Егор сразу стал работать и уставал так, что иногда засыпал в лифте, потому что там было тепло и качало.

Дед сделал из него человека, не дал пропасть и теперь так смиренно просит, чтобы он оставил у себя собственного брата!

– Дед, – сказал Егор, вытаскивая из пенного тепла поджарое длинное тело, – не страдай ты так, ради бога! Я чем виноват? Что ты мне на психику давишь? Пусть остается, мне-то что? Я дома бываю только по ночам, да и то не каждый день. Охота тебе с ним возиться – возись, только не смотри глазами скорбящей Божьей Матери...

– Как же я могу с ним не возиться? – спросил дед, глядя в запотевшую черную стену. – Он мой внук. Такой же внук, как и ты. Он не виноват, что у его матери... так много трудностей.

– Да уж! – фыркнул Егор.

Трудностей у Маргариты всегда хватало. А когда не хватало, она моментально их создавала. По части трудностей Маргарита была просто виртуоз.

– Спасибо, Егор, – поблагодарил дед, не глядя ему в глаза. – Я знаю, тебе не слишком хочется, чтобы Дима путался у тебя под ногами. Кроме того, ты еще и деньги...

Этого Егор вынести не мог.

– Дед, моих денег хватит на то, чтобы прокормить пятнадцать Димок до конца жизни! Вместе с женами, детьми и внуками. – Он кое-как вытерся и швырнул полотенце на пол. – Где мой халат?! Куда его дела Светлана Пална? Куда она вечно все деваает?!

– Светлана Павловна у нас уже год как не работает, Егор, – произнес дед с сочувствием. – У нас работает Наталья Васильевна.

– Да хрен с ними обеими! – заорал Егор и, выдернув из корзины сухое полотенце, обмотал его вокруг пояса. – Все! Хватит! Я иду спать! И отстаньте от меня все!!!

Когда дубовая дверь в спальню с чудовищным грохотом захлопнулась за его возмущенной спиной, из дедовой комнаты выглянул Димка. Дед приложил палец к губам и на цыпочках двинулся к нему. Как заговорщики, они осторожно прикрыли за собой дверь и посмотрели друг на друга.

– Ну что? – спросил Димка шепотом. – Орет?

– Орет, – согласился дед.

– Выгонит? – спросил Димка, помедлив.

– Ну конечно, нет! – Дед возмущенно взмахнул старческой рукой в синих венах, как будто Димка спросил у него невесть какую глупость. – Он же твой брат. Он тебя любит.

– Да! – сказал Димка с ненавистью. – Любит!

– Давай спать, Дима, – попросил дед устало. – Я тебя подниму в восемь, и ты пойдешь в институт.

Димка промолчал.

Он совершенно точно знал, что ни в какой институт завтра не пойдет и никогда не пойдет.

Завтра он найдет подлеца Пашку и тех ублюдков, что пристали к Егору на улице, и поговорит с ними по-своему. А еще через несколько дней его здесь не будет.

Он начнет новую жизнь далеко от своих поганых родственников, и все у него будет хорошо.

Только бы ничего не сорвалось.

У него будет много денег, крутая машина и любая девица, которую он только пожелает.

Осталось продержаться всего несколько дней.

– Шевелева! – Игорь Леонтьев на секунду поднял голову от разложенного перед ним на столе макета завтрашнего номера. – Зайди!

Лидия, с разгону пролетевшая было мимо его кабинета, притормозила и вошла, слегка запыхавшись.

– Привет, Лид, – поздоровался сегодняшний выпускающий Стас Смирнов. Он стоял за стулом Леонтьева, заботливо наклонившись через его плечо, как подобострастный чиновник из чеховской пьесы, который ловит каждое слово столонячка. Впечатление портили только дорогие очки, сдвинутые на кончик носа, сигарета и трубка мобильного телефона, кое-как засунутая в нагрудный карман рубахи. Стас не был подобострастным чиновником, он был высококлассным редактором, и его согнутая спина и поза «чего изволите?» объяснялись не столько трепетом перед начальством, сколько постоянным, нестерпимым желанием доказать шефу, что он, Стас Смирнов, делает газету лучше всех.

– Привет, – сказала Лидия и улыбнулась Стасу. Леонтьев раздраженно шелестел бумагами, – очевидно, что-то в них было не так, как нужно.

– Лидия, – заговорил он, не поднимая глаз, – я дождусь когда-нибудь материала о Тимофее Кольцове или нет?

«Ходишь, ходишь в школу, а тут – бац! – вторая смена...» – быстро подумала Лидия.

– Игорь, ты же знаешь, что у него какая-то совершенно непробиваемая юридическая служба, – осторожно, как будто пробуя зыбкую болотную почву, начала Лидия. – Они со мной не разговаривают, и все. В пресс-службе говорят, что нет санкции руководства. Пардон, мадам.

– Мне наплевать на юридическую службу, – отчетливо выговорил Игорь, подняв наконец глаза от бумаг. – Я поручил тебе взять интервью. Поручил, между прочим, уже давно. Через неделю это интервью можно будет смело засунуть в... в одно место. И я даже знаю, в какое, – договорил он. Лидия вдруг с изумлением обнаружила, что он едва сдерживается. Очевидно, с утра ему от кого-то крепко досталось и он погнался волну дальше – на подчиненных.

– Может, я макет оставляю, а сам попозже зайду? – с некоторым опозданием предложил Стас из-за кресла.

– Не нужно мне никаких «попозже»! – рявкнул Леонтьев. – Знаю я эти ваши «попозже»! Мне тебя потом по всей редакции искать радости мало! Отвечай, Лидия, что там с Кольцовым?!

– Ничего. Все как обычно. – Она старалась говорить спокойно. Она ни в чем не была виновата и прекрасно это знала. Больше того, и Леонтьев это прекрасно знал.

– Обычно – это когда журналист договаривается с кем-то, едет и берет интервью, – процедил Леонтьев сквозь зубы, опуская глаза на бумаги. – Так все происходит обычно. А сейчас у нас что происходит?!

Это был «наезд» ради «наезда», и они – все трое! – понимали это и делали вид, что не понимают.

– Игорь Владимирович, – начала Лидия тоном, несколько более официальным, чем обычно, – вчера на летучке я докладывала о положении дел с компанией «Янтарь». С ее главой

пообщаться невозможно. Пресс-служба и юридическая служба стоят насмерть, как наши под Брестом. Пока не начался процесс, они не хотят разговаривать ни с кем из журналистов.

– Ни с кем? – переспросил Игорь неприятным голосом. – Ни с кем из журналистов? Если вы не читаете газет, Лидия Юрьевна, могу вам сообщить, что Тимофей Кольцов заявлен сегодня в программе «Зеркало» на втором канале.

– Как? – ошарашенно переспросила Лидия, совершенно позабыв о том, что должна «делать лицо и держать тон».

– Очень обыкновенно. Дать посмотреть программу или ты мне и так поверишь?

– Игорь, я честно долблю их каждый день по сорок раз. Барышни на ресепшэне уже знают меня по голосу. Пресс-служба переадресовала меня к главе юридической службы, но с ним тоже поговорить невозможно, я общаюсь с каким-то его пятнадцатым помощником, да и то не каждый день, а только когда он до меня снисходит...

– Ты понимаешь, что это – все? – Как настоящий журналист Игорь несколько сгущал краски. – Твоя статья после «Зеркала» никому не будет нужна! Я не хочу подбирать объедки за теми, кто успел раньше, ясно тебе? Это информация, а не фабрика по производству галош! Нужно работать, землю рыть, а не ссылаться на какую-то там, черт побери, юридическую службу!

Это было обидно и несправедливо. Даже для Игоря Леонтьева, большого начальника и вообще «первого в Риме».

Он давно был осведомлен о том, что с судостроительной компанией «Янтарь» у Лидии все застопорилось на самой начальной стадии. Пресс-служба охраняла Великого и Могучего Тимофея Кольцова, как целая стая преданных сторожевых собак. Раньше такого никогда не было.

Промышленник и политик Тимофей Кольцов не особенно ладил с прессой, но все же был лоялен, и пробиться к нему на интервью было делом сложным, но в принципе возможным. В прошлом году он с блеском выиграл губернаторские выборы в своей родной Калининградской области и стал еще менее доступен, но все же какие-то шансы у журналистов оставались. Добраться до него стало совсем невозможно, когда начался судебный процесс. Директор судостроительного завода «Янтарь», одного из многочисленных кольцовских промышленных предприятий, подал в суд на хозяина.

Случай был совершенно беспрецедентный.

Журналисты насторожились.

Директор завода выступил по первому каналу и объявил на весь белый свет, что Тимофей Кольцов бандит и жулик. Это утверждение повторила влиятельная московская газета, и пишущее сообщество задумалось: одни выборы – в удельные князья – только что прошли, другие выборы – в цари – были еще далеко. Связываться с такой акулой, или скорее королевской коброй, просто так не стал бы даже самоубийца. Значит, решили журналисты, за этой внезапной атакой стояло что-то – или кто-то! – еще более тяжелое и влиятельное.

Тимофей Кольцов прославился тем, что никого и ничего не боялся, в большую политику никогда не лез и к олигархам «первого эшелона», которые шеренгами маршировали по телевизионным экранам, не принадлежал. Его победа на выборах казалась совершенно невероятной. Он медленно и тяжело говорил, почти ничего не обещал, был грузен и неповоротлив и на фотографиях выглядел так, что казалось, будто его насильно втиснули в слишком узкие рамки. Но на него работали профессионалы, самые лучшие профессионалы, которых только можно было найти. Все его минусы они ловко и незаметно обращали в плюсы, а недостатки использовали так, что они становились достоинствами. Даже покушение на него было подано пресс-службой не как бандитская разборка, а как попытка избавиться от честного и неподкупного предпринимателя. Говорили еще, что в области у него действительно порядок, что он задавил и извел наркоту – неслыханное дело для портового города! – что в отделе кадров завода «Янтарь»

заявлений о приеме лежит на десять лет вперед, что дороги он починил, что рыболовную флотилию прибрал к рукам, а не продал за бесценок норвежцам. Искушенный журналист Лидия Шевелева была совершенно уверена, что девяносто процентов из этого можно отнести на счет недюжинного таланта сказителей из его пресс-службы, но даже оставшиеся десять процентов вызывали уважение и некоторую робость.

Когда директор завода затеял судиться, дверь в империю под названием «Тимофей Кольцов», и так приоткрытая лишь наполовину, захлопнулась с чудовищным чугунным грохотом. Неизвестно, кто именно принял решение не подпускать журналистов на пушечный выстрел – сам ли Тимофей Ильич или его продвинутая пресс-служба, – но решение было принято, чугунная дверь захлопнулась, журналисты остались по эту сторону. И сколько они ни подпрыгивали, сколько ни вытягивали шеи, сколько ни становились друг другу на плечи, разглядеть, *что* происходит за стеной, никому не удавалось.

И вот теперь «Зеркалу» удалось.

Неужели удалось?

– Может, это просто... реклама? – осторожно спросила Лидия. – Никакого Кольцова они не ждут, но хотят, чтобы все их смотрели?

– Очень умно, – ответил Леонтьев зло, – и очень похоже на правду. Кроме того, мне совершенно наплевать, чего они там хотят. Я знаю, чего я хочу! Я хочу интервью с Кольцовым, а у меня его нет и, я так понимаю, не будет. А? Не будет?

– Игорь... – начала расстроенная Лидия, но он перебил:

– Сегодня вечером я жду точного ответа, будет или не будет интервью. В зависимости от этого я приму решение.

– Какое решение, Игорь? – Лидия начала злиться. Она не студентка-практикантка с журфака и не пустоголовая фифа, едва умеющая писать по-русски. Она журналист, и у нее есть чувство собственного достоинства.

– Пойди и позвони Кольцову, – приказал Леонтьев. – О результатах доложишь.

Стас курил и углубленно изучал собственный макет, как будто это было нечто невиданное. Грязное оконное стекло заливал серый дождик. Лидия зачем-то потрогала пунцовые щеки, повернулась и пошла к двери, очень прямо держа спину.

– Зря ты так, – негромко проговорил Стас, когда дверь за ней закрылась.

– Нормально, – поморщившись, ответил Игорь. – Проглотит.

Он не мог и не хотел ничего объяснять. Он знал, что механизм запущен, время пошло и изменить уже ничего невозможно.

– Егор Степанович, газета «Время, вперед!», – прозвенел в селекторе голос секретарши. – Будете говорить?

– Нет, – буркнул Егор, – не буду.

– Егор Степанович, – колебавшись, сказала секретарша, – они уже седьмой раз звонят. И нам, и в пресс-службу. Что мне им сказать?

Оторвавшись от бумаг, Егор взглянул на селектор, как будто секретарша выглядывала оттуда. Она была ни при чем, но, как всегда, Егор раздражался.

– Переведите на Журавлева, – велел он.

– Журавлева нет и не будет целую неделю, Егор Степанович. Он и Панов с понедельника на рейнинге в Дюссельдорфе.

Егор и сам должен был знать об этом, но секретарша говорила таким тоном, как будто это она виновата в том, что шеф забыл, куда делись два начальника отделов. Она была гораздо более опытная и классная секретарша, чем вчерашняя перепуганная мышка.

Егор еще подумал. Селектор ждал.

– А, черт возьми, – пробормотал он себе под нос и бросил ручку, – какая линия?

– Третья, Егор Степанович! – бодро доложила секретарша и отключилась.

– Да, – бросил Егор в трубку отрывисто. Он листал ежедневник, вспоминая, где вчера записывал что-то такое относительно этой газеты. И секретарша позабыла сказать ему, кто именно там должен быть, в этой трубке. Вот дура. – Да! – повторил Егор раздраженно.

– Здравствуйте, меня зовут Лидия Шевелева, – донеслось из трубки. – Газета «Время, вперед!».

Голос был низкий и теплый. Шубин вдруг подумал, что этот голос похож на дорогой коньяк в широком бокале.

– Мне хотелось бы прояснить ситуацию вокруг интервью господина Кольцова нашей газете...

– Нет никакой ситуации, – ответил Егор любезно, – и интервью никакого не будет. Пока по крайней мере.

Он нашел наконец свою запись в ежедневнике. Там была фамилия Леонтьев и никакой Шевелевой не было. В трубке помолчали.

– Егор Степанович, в пресс-службе утверждают, что именно вы не даете разрешение на интервью, но это по меньшей мере странно. Наша газета поддерживала Тимофея Ильича на выборах, мы ни разу не написали ничего такого... что могло бы показаться вам обидным...

Егор слушал только голос, напоминавший французский коньяк, и совершенно не вникал в смысл слов. Он знал, что разговор этот ничего не изменит и никакого интервью не будет, что бы ни сказал ему теплый и низкий женский голос. В данный момент с прессой вполне можно и не заигрывать. Егор знал, что даже если он поссорится со всеми журналистами на свете, пресс-служба в два счета с ними помирится, когда они вновь понадобятся.

– Госпожа Шевелева, – произнес он, смутно сожалея, что голос в трубке умолк, – наше решение не имеет никакого отношения ни лично к вам, ни к вашей газете. До процесса никакой информации обнародовано не будет. Ни в вашей газете, ни в любой другой. Мы понимаем, что создаем вам определенные неудобства, но наше решение окончательное, и, боюсь, мы не сможем его изменить.

– Дело не в неудобствах, – решительно заявила она. – Дело в том, что вы теряете имидж открытой и демократичной компании, а пресса этого никогда не прощает.

Ничего себе!

– Уверю вас, наш имидж переживал и не такие потрясения, – пробормотал Егор и пожалел об этом. Почему-то девица на том конце провода с ее коньячным голосом странно беспокоила его.

– Вы недооцениваете прессу, Егор Степанович, – задушевно произнес голос в трубке. – Мне ведь ничто не мешает дать в завтрашний номер статью о том, как окружение господина Кольцова скрывает информацию. Причем написать это я могу так, что все моментально заподозрят, что в вашей компании происходят какие-то ужасные вещи.

Господи, да она никак пытается взять его за горло!

– Вы меня шантажируете, госпожа... – он заглянул в ежедневник, проверяя фамилию, которую он предусмотрительно записал, – Шевелева? Или просто угрожаете?

– Я не шантажирую и не угрожаю. – Голос утратил коньячную мягкость и стал похож на горький шоколад – твердый, гладкий, в блестящей серебряной обертке. – Я пытаюсь понять, почему вы не хотите, чтобы Тимофей Ильич общался с прессой.

Интересно, она записывает разговор или нет? Скорее всего записывает, конечно. На секунду Егор почувствовал, что всей душой разделяет нелюбовь шефа к журналистам.

– Наше нежелание общаться с прессой на данном этапе обусловлено только интересами дела. Конечно, мы не придаем особого значения прискорбному инциденту с господином Долголенко, – так звали директора завода «Янтарь», – но нам не хотелось бы, чтобы пресса делала какие-то выводы *до начала* слушания дела в суде.

– Вы опасаетесь, что всплывут неприятные подробности, которые смогут повредить репутации господина Кольцова?

– Никакие подробности, связанные с господином Долголенко, Тимофею Ильичу повредить не могут, – сказал Егор мягко. – Но, согласитесь, очень неприятно, когда получаешь неожиданный удар, к которому совершенно не готов. Да еще в спину. Да еще от своих же.

В трубке замолчали.

Егор усмехался, рисуя в ежедневнике рожи.

Он виртуозно умел менять тон – с самого официального на самый задушевный. С самого грозного на самый нежный. И ни горький шоколад, ни старый французский коньяк не имели при этом никакого значения.

– Вы... расцениваете обращение директора «Янтаря» в суд как удар в спину? – осведомился голос.

– Никаких комментариев, – заявил Егор.

Повисло молчание, которое Егор Шубин не собирался прерывать. Пусть молчит сколько угодно. Раз уж он вынужден был ввязаться в этот разговор, он доведет его до победного конца.

– С вами трудно разговаривать, Егор Степанович, – неожиданно вздохнули в трубке, и Егор перестал рисовать рожи.

Очевидно, эта Лидия Шевелева неплохая журналистка, потому что она тоже виртуозно меняла интонации, на ощупь как бы примеряясь, пытаясь установить, на что в конце концов клюнет этот сухарь, не умеющий общаться с прессой.

– Мы выпустим пресс-релиз, – пообещал Егор, которому неожиданно надоел разговор. Он не любил, когда кто-то пытался нащупать его слабые места да еще так откровенно. – Следите за нашими сообщениями.

– Буду следить, если больше ничего не остается. Скажите, а ваш бойкот средств массовой информации не распространяется на программу «Зеркало»?

«А, дьявол тебя возьми! При чем здесь «Зеркало»? Я ничего не знаю ни про какое «Зеркало»!»

– Боюсь показаться неоригинальным, – заявил Егор холодно, – но все же повторяю – никаких комментариев.

– Означает ли это, что бойкот все же существует, но на отдельные средства массовой информации не распространяется?

– Это означает то, что означает, – Егор старался быть терпеливым, – никаких комментариев.

– Ясно, – подытожили в трубке. – Вы сослужите вашему шефу плохую службу, если будете с ходу отметать журналистов, Егор Степанович.

– Спасибо, что предупредили. – Егор захохотал, еще не донеся трубку до аппарата.

Наверное, она услышала, как он захохотал, эта леди с голосом, похожим на теплый французский коньяк. Даже скорее всего услышала. Но, елки-палки, никто уже много лет не учил его жить и не пытался так откровенно заставить плясать под свою дудку.

«Что происходит на свете, а? Вчера ночью я подрался у подъезда собственного дома, сегодня почему-то разговариваю с никому не известной журналисткой, трачу на нее время и сдерживаюсь из последних сил, что бы не начать оправдываться!»

Да, и еще «Зеркало», о котором она говорила. Что там наду мали в пресс-службе? Он не даст разрешения на интервью даже Ларри Кингу из Си-эн-эн, не то что «Зеркалу»... Хотя шеф вроде дружит с ведущим этого самого «Зеркала». Или это не он дружит, а его жена?..»

Егор несколько секунд подумал.

Ситуация требовала прояснения. В конце концов, он привык быть последовательным.

Он нажал кнопку и негромко сказал в селектор:

– Соедините меня с Игорем Абдрашидзе.

Так звали зама по прессе. Егор не слишком его любил, потому что Абдрашидзе был ближе к шефу, чем сам Егор, и следовательно, имел больший вес и влияние.

Если Абдрашидзе решил что-то через голову Егора Шубина, значит, нужно заставить его отыграть назад и дать понять, что через эту самую голову перешагнуть нельзя. Или вместе, или никак.

Он умел ставить людей на место и делал это так же виртуозно, как менял тон в разговоре.

– Слушаю, Егор Степанович, – раздался в селекторе прокурорский голос с чуть слышным грузинским акцентом. – Доброе утро. Мы с тобой вроде не виделись сегодня?

– Не виделись, Игорь Вахтангович, – подтвердил Егор. – Доброе утро. Вопрос у меня к тебе. Есть время, чтобы ответить?

– Что это? – спросил Леонтьев недовольно. Он пил в редакционном буфете кофе, одним глазом читал чью-то уже размеченную статью и мерно постукивал по столу мобильным телефоном, как будто это карандаш или сигарета. На лице у него была сосредоточенная скука, и, оглянувшись по сторонам, Лидия моментально поняла, откуда весь его байроновский вид. За соседним столиком сидели две неизвестные красотки и во все глаза рассматривали погруженного в задумчивость Леонтьева.

– Прости, что не даю тебе допить кофе в тишине и покое, – сказала Лидия, испытывая мстительную радость от того, что ее спина загородила красоткам всю полосу обозрения. – Просто я боюсь, что потом тебя не застану. Вот, возьми и послушай.

– Что слушать-то? – Леонтьев повертел кассету в руках. – Это что? Запись разговора Березовского с Гусинским?

– Это запись разговора Шевелевой с Шубиным, – пояснила Лидия, – и это гораздо интереснее, чем Березовский с Гусинским.

– Кто такой Шубин? – спросил Игорь рассеянно. Красотки поднялись из-за своего столика, он проводил их глазами.

Лидия вздохнула:

– Шубин – это как раз и есть глава юридической службы Тимофея Кольцова, из-за которого ты утром чуть меня не уволил.

– Ну не уволил же... – пробормотал Леонтьев. – Видишь, значит, до него вполне можно дозвониться, правда?

– Я дозвонилась до него совершенно случайно. Просто сегодня куда-то делись все его пятнадцать помощников и он вынужден был поговорить со мной. К тому же я ничем, кроме этих дурацких звонков, не занималась.

– И что он говорит, этот Шубин?

– Ни кроватей, говорит, не дам, ни умывальников... – себе под нос пробормотала Лидия. Ей тоже хотелось выпить кофе, и она раздумывала, прилично ли будет расположиться рядом с замом главного или лучше подождать, пока он уйдет.

– Что?! – Игорь наконец посмотрел на нее, а не сквозь нее, как смотрел все это время.

– Шубин говорит, что никакого интервью не будет. От вопроса о «Зеркале» он ловко ушел. – Лидия все-таки уселась за стол, хотя Леонтьев ее не приглашал и не испытывал никакого дискомфорта от того, что сам сидит, а она стоит перед ним почти навтыжку, как нашкодившая восьмиклассница перед завучем.

– Ладно, – заявил Игорь снисходительно, – я ему сам позвоню, этому Шубину.

Лидия пожала плечами:

– Звони.

Иногда он вел себя просто ужасно. Он умел задеть как-то на редкость больно и даже не заметить этого.

Он сам позвонит! Это означало, что Лидия с заданием не справилась и теперь требуется вмешательство начальства. Начальство на Лидию понадеялось, а она... подвела. Как лошадь из анекдота, которую просили – всего-навсего! – сделать сальто в воздухе, а лошадь так и не смогла.

– Кофе будешь? – спросил Леонтьев. – Заказать тебе?

– Закажи, – согласилась Лидия. – Игорь, я тебе хотела одну штуку показать и спросить, что ты об этом думаешь.

– Спроси, – в тон ей ответил Леонтьев, и они неожиданно улыбнулись друг другу.

Жаль, что так ничего у них и не сложилось.

Все давно ушло, и больное место уже не горело огнем, а всего лишь ныло тупой бессмысленной болью, но иногда – на секунду! – вспыхивал и пропадал злой всполох уже почти совсем побежденного, почти задавленного пламени – господи, ну почему, почему так ничего и не сложилось?!

Лидия, торопясь отвернуться, полезла в портфель и выудила из него вчерашнее приглашение в клуб «Две собаки».

– Вот. Это пришло мне по электронной почте. Я совершенно не представляю, от кого это и что мне теперь с ним делать.

Леонтьев изучал бумажку, и взгляд у него вдруг изменился. Из байроновски-скучающего превратился в журналистски-любопытный и настороженный.

– Так, – сказал он, осторожно свернул листок и посмотрел на Лидию. Лицо у него странно дрогнуло. – Это интересно.

– Это непонятно! – возразила Лидия и отпила крошечный глоток очень горячего и густого кофе, который поставила перед ней официантка. – Почему прислали именно мне? Я не звезда первой величины, не знаменитость... Что это за клуб? Я про него никогда не слышала.

– Ты что, про все остальные московские клубы слышала? – спросил Леонтьев язвительно. – Я, например, этот клуб знаю. Такое... среднеприличное заведение, играют джаз, пьют пиво, жрут стейки с картошкой. Это на Арбате, я сто раз мимо ездил. Ничего особенного, клуб как клуб.

Лидия смотрела на него во все глаза. Почему-то она была уверена, что такого клуба вовсе не существует и Леонтьев сейчас скажет, что это чей-то глупый розыгрыш. То, что это вполне реальное место, да еще в самом центре Москвы, да еще со стейками и картошкой, сильно ее озадачило. И напугало.

– Ты думаешь, это... не шутки? – спросила она осторожно.

– Какие еще шутки! – В его голосе звучала досада, как будто он удивлялся, как можно быть такой душой. – Конечно, никакой информации ты в пятницу там не получишь. Скорее всего получишь условия, сколько именно он хочет и за что. Сразу же покажешь мне, и я... мы примем решение, стоит овчинка выделки или не стоит.

У него даже сомнений никаких не возникло.

Ему даже в голову не пришло, что она, может, и не хочет идти в пятницу в клуб «Две собаки», или боится, или не доверяет таинственному продавцу информации. В голове у него вроде бы замкнулась электрическая цепь и загорелась сигнальная лампочка, как у агента из мультфильма про капитана Врунгеля. Информация продается, следовательно, ее нужно купить. Информация прежде всего.

У нас же не фабрика по производству галош!

Пожалуй, он даже ревновал немного, что это предложение получила Лидия, а не он сам. Уж он-то бы знал, как добыть эту информацию подешевле, как оценить ее значимость, как потом подать, чтобы все – все! – поняли, что это не пошлое сообщение агентства Рейтер, не подведение итогов брифинга в Минэкономике, не перепечатка из «Таймс», а самая что ни на есть *конфиденциальная, единственная в своем роде, уникальная информация!*

– Давай я вместо тебя схожу! – предложил он внезапно. – Хочешь?

– Нет, – быстро сказала она и улыбнулась, – спасибо, но я пойду сама. Я тебе сразу же позвоню, как только что-нибудь узнаю.

– Ну-ну, – протянул он неопределенно. – Позвони... Только ни на что не соглашайся, не подумав. Ничего не обещай. Оцени ситуацию и то, что тебе предложат, не торопясь, без суеты.

– Я постараюсь. – Совершенно неожиданно для себя Лидия решила, что она никому не отдаст этот шанс, пока не исчерпает его до конца. Она во всем разберется сама, а Леонтьева даже близко не подпустит! Это *ей* прислали сообщение, это *ее* пригласили на встречу, это *ей* обещали нечто важное и интересное.

Информация – наш главный козырь, так, кажется, любил повторять на всех летучках зам главного редактора Игорь Леонтьев.

У нас же не фабрика по производству галош!

– Спасибо тебе, Игорь, – поспешно поблагодарила она и одним глотком допила кофе. – Я побегу.

Она поднялась, пристраивая на плечо ремень стильного дамского портфеля, готовая сорваться с места в своей обычной стремительной манере, и вдруг замялась, как бы остановившись в последнюю секунду перед взлетом:

– Игорь, если ты о чем-нибудь договоришься с этим идиотом из кольцовской юридической службы, не отдавай никому это интервью, а?

Она умела просить так, что отказать ей было очень трудно. Почти невозможно отказать, но Игорь Леонтьев был раздражен и недоволен ею, хотя скрывал это даже от себя. Он ревновал ее к этой мифической информации, которую ей предложили. Ей, а не ему! Он ревновал к работе всех, кто хоть в чем-то, хоть на миллиметр опережал или обходил его. Может быть, именно поэтому он так стремительно делал карьеру...

– Нет уж, матушка, – заявил он, смутно радуясь тому, что сейчас он ей откажет, – если я договорюсь с идиотом, я и поеду на интервью. Поезд уже ушел.

– Ясно, – кивнула она, и улыбка у нее изменилась. – Все равно спасибо.

– Не за что, – сказал Леонтьев галантно. – Обращайтесь в любое время.

Она пробралась к выходу, старательно глядя под ноги и обходя наставленные на полу рядом со стульями портфели и сумки, в дверях ее окликнули, и она еще постояла несколько секунд, слушая, что говорит ей полная белесая девушка из редакции «Иностранной литературы», которая находилась этажом выше.

Они немножко поговорили и посмеялись, и, махнув на прощание, Лидия убежала. Молодой человек, напоминающий корреспондента, который заставляет ждать своего редактора, уже полчаса что-то быстро строчил на разрезжавшихся листах бумаги, рискуя свалить локтем чашку с остывающим кофе. Он проводил Лидию глазами, перестал писать, неторопливо убрал ручку и сложил в портфель свои многочисленные бумаги. Потом закурил и кинул быстрый взгляд в самый дальний угол, куда был втиснут крошечный столик на одного. Над столиком не спеша извивалось белое облако сигаретного дыма. Молодой человек вопросительно приподнял брови и показал глазами на только что закрывшуюся дверь. Получив утвердительный кивок, он поднялся и вышел следом за Лидией.

– Да я на одну секунду, что вы, ей-богу! – сказал густой насмешливый бас у самой двери, и Егор переложил в другую руку телефонную трубку, радуясь хоть какому-то отвлечению от бесконечных дел и телефонных звонков.

– Ну, навел ты шороху на своих мамзелей! – Владелец баса показался на пороге и шутиливо отер пот со лба, демонстрируя, сколько сил ему пришлось потратить на то, чтобы прорваться через «мамзелей».

– Здорово, Николай Николаевич! – Егор, не выпуская, однако, трубки, вышел из-за стола и пожал протянутую руку. – Ты зашел, чтобы пригласить меня на обед?

Николай Николаевич Барышев был заместителем императора по хозяйственной части. Империю «Судостроительные заводы Тимофея Кольцова» Барышев создавал вместе с Кольцовым с самого первого камня и пользовался не только безграничным доверием шефа, но и искренним уважением сослуживцев, что само по себе было большой редкостью. Дружба с Барышевым была своего рода пропуском в мир, где действовала совершенно особая табель о рангах, где достаточно было сказать, что «Ник Ник поддерживает», – и вопрос решался сам собой. В выборе союзников и друзей Барышев был осторожен и избирателен, зато если уж брался поддерживать, то поддерживал до конца, не боясь ни высочайшего гнева, ни порой гораздо более высокого положения врагов. Барышев занимал в империи особое место, даже не у подножия, а где-то *рядом* с троном.

– Кофе дайте нам, – приказал Барышев в еще не до конца закрытую дверь, – и покрепче, если можно, девушки!

Он обошел Егора, который посреди кабинета договаривал с Сашей Андронниковым, главой юридической службы «Кока-колы», секунду подумал, какое кресло выбрать, потом очень основательно устроился, как будто собирался просидеть за этим столом вечность, и, когда Егор нажал наконец кнопку отбоя на телефонной трубке, спросил с веселым интересом:

– Ты про обед-то серьезно спрашивал, Егор Степаныч, или шутить изволил?

– А что? – Егор сунул трубку в гнездо и крепко потер глаза под очками.

– А то, что ужин давно прошел, а ты – обед!

– Как – ужин? – переспросил Егор, неизвестно почему приходя в хорошее настроение. – Какой ужин? Где ужин?

– Я кофе у твоих мамзелей попросил. – Барышев распахнул кожаную папку, которую принес с собой.

– Кофе у меня уже к ушам подступает, – пробормотал Егор, – но с тобой выпью. У меня коньяк есть, французский. Будешь?

Какое-то смутное воспоминание осторожно пробралось по задворкам сознания, когда он предложил Барышеву коньяк, но у Егора не было сил его ловить.

– Наливай, – согласился Барышев. – У меня просьба к тебе, Егор Степаныч.

– Давай. – Егор налил по глотку коньяка в два пузатых тяжелых бокала и сунул один в протянутую руку Николая Николаевича.

– Я знаю, конечно, что юристы у нас самые загруженные, но мне тоже деваться некуда, – сказал Барышев, как бы извиняясь. – Батяня, – так они между собой называли Кольцова, и в этом была некая корпоративная причастность, доступная только самым приближенным, своеобразный пароль, обозначающий, что «мы с тобой одной крови», – батяня пансионатик покупает в Светлогорске, это там, на Балтике. Пансионатик старенький, бывший профсоюзный, задрипанный до невозможности. Мы его хотим снести и строить гостиницу, чтоб батяня там мог гостей принимать. Ну, в смысле не премьера, а кого попроще...

– Ну? – Глаза у Егора слезились, а под левым задергался нерв – всегдашний признак крайней усталости. – Чем могу помочь?

– Да там, понимаешь, концов никаких не найдешь, кто его продает и законно ли. А батяня загорелся – подай ему гостиницу, да и все тут.

– А земли много? – Егор снял очки и закрыл глаза.

– Немного, но есть, конечно.

– А пляж свой или государственный?

– Пляж государственный, а надо, чтобы был свой. – Барышев одним глотком влил в себя коньяк. – Я к тебе пришел, чтоб ты своих гавриков поторопил и сам все это дело проконтро-

лировал. Если обычным путем пойдет, они только подписи полгода собирать будут, а мне к лету туда народ заселять...

– К лету ничего не выйдет, даже не надейся. Закон о частной собственности на землю знаешь где?

– В ...де, – ответил Барышев энергично.

– Вот именно, – усмехнулся Егор. – Мои гаврики ведь не просто так тянут. Они профессионалы, но знаешь, сколько нужно телодвижений сделать, чтобы хоть что-нибудь сдвинуть?

– Ладно, ты меня не агитируй, Егор Степаныч, не на собрании.

– Да я тебя не агитирую! Я просто сразу говорю, чтобы ты не ждал от меня чудес. Тем более там погранзона, если я не ошибаюсь.

– Не ошибаешься.

– Ну вот... Бумаги оставляй мне, я сам буду заниматься, но никакого заселения летом не планируй.

– Ладно, ладно, – сказал Барышев добродушно, – самое главное, что я все это тебе спихнул. Теперь весь спрос с тебя.

– Это точно, – пробормотал Егор.

Он не стал бы отказывать Барышеву, даже если бы тот попросил посодействовать в покупке небольшого участка на Марсе или на Венере, но дело, о котором хлопотал зам по хозяйственной части, было не слишком приятным. Тимофей Кольцов в Калининградской области губернаторствовал, следовательно, должен покупать землю сам у себя. В погранзоне никаких частных пляжей не было и быть не могло. Конечно, все это не бог весть как сложно и давным-давно придуманы разные хитроумные схемы, но хлопот с этой гостиницей не оберешься. Барышев об этом знал, потому и пришел сам, чтоб Егор уж точно не отказался.

Кроме того – Егор был совершенно в этом уверен, – гостиница нужна именно Барышеву, а вовсе не батяне, который такими вещами отродясь не интересовался.

Ну что ж... Послужим Барышеву. Долг платежом красен, а Барышев в долгу оставаться не любил.

Зазвонил мобильный, и Николай Николаевич махнул рукой, поднимаясь, – мол, занимайся своими делами, не буду мешать.

– Да, – сказал Егор, глядя, как медленно затворяется тяжелая дверь. – Да, слушаю.

– Жора, это я, – с хрипотцой произнесла ему в ухо Маргарита. – Ты меня искал? Можешь поговорить?

– Не могу, но поговорю, – ответил Егор холодно. – Что там за история с Димкой?

Мать засмеялась волнующим смехом, от которого у Егора засосало под ложечкой.

– Ну... не знаю, как сказать. Правда, Жорик!

«Какой, блин, Жорик!

Мне сорок лет, я давно вышел из возраста, когда обращают внимание на ерунду вроде этого Жорика, но как же она меня бесит!»

– Скажи как есть, – попросил Егор, – только покороче. Я на работе еще.

– Ну... он хамит, не учится, требует денег. С компанией связался... неподходящей. Что делать, растет без отца...

– Он уже вырос! – проскрежетал Егор.

– Что-о? – протянула Маргарита. – Говори погромче, Жора, я в ванне, а тут вода плещется. Мне не слышно.

Как будто она не могла позвонить *до* или *после* ванны или хотя бы не сообщать, что она в ванне!

«Зачем ты ее искал, юрист хренов?! Ведь сценарий известен наперед, известен до самой последней реплики! Что тебе от нее нужно?! Что за мазохизм или садизм – черт их разберет! – заставляет тебя разговаривать с ней снова и снова?!»

Как будто с ней вообще можно разговаривать!»

– Ну и где Димку теперь искать? – спросил Егор. – Ты знаешь?

– Ну, у друзей каких-нибудь, – сказала Маргарита задумчиво, очевидно, прикидывая, скоро ли ей понадобится педикюр или эпиляция. – Может, у девицы этой... как ее... Катя или Маша. Представляешь, он завел себе девицу! Умрешь со смеху! Такая серая, облезлая, в пятнах каких-то... Я ее однажды с ним видела. Говорят, что она учит японский язык. Жорка, ты представляешь – японский!

Если брат дружит с «облезлой девицей в пятнах», которая учит японский язык и называется Катя или Маша, а не Лолита, значит, еще не все потеряно, пронеслось в голове у Егора.

Почему-то эта мысль его обрадовала, хотя он уверял себя, что ему совершенно безразличны дела брата.

– А что? – вдруг насторожилась Маргарита. – Он тебе звонил? Жаловался на меня?

В ее голосе проскользнула озабоченность.

Она была совершенно уверена, что Димка не пойдет к Егору, которого он ненавидел, и тот еще не скоро узнает, что она решила вопрос с Димкой самым простым способом – выставила его из дома. Сердить Егора было опасно – он мог не дать денег или дать меньше, а Маргарите как раз в этом месяце очень были нужны деньги.

Гораздо *больше* денег, чем обычно.

Неужели гаденыш кинулся плакаться Егору?! Конечно, у нее в запасе есть тяжелая артиллерия, и, когда она пальнет из главного калибра, Егор вряд ли сохранит сочувствие к Димке, но она не думала, что ей придется применить ее вот так... сразу.

– Где ты его видел? – спросила Маргарита, придав голосу, помимо озабоченности, еще и некоторое материнское смятение. – Пусть немедленно возвращается домой! Скажи ему, Жора!..

– Скажу! – пообещал Егор охрипшим от ненависти голосом. – Непременно скажу, Ритуля!

– Что? – переспросила она, придя в явное замешательство.

Она была непреходимо тупой во всем, что не имело отношения к ее личному благополучию и спокойствию. Зато она была так хороша собой и так самоуверенна, что никто не замечал ее тупости. Егор совершенно уверен, что он единственный человек, который знал, насколько она тупа.

Даже дед думал, что она умна, с истинно мужской доверчивостью принимая за ум обычную житейскую хитрость.

– Так он совсем ушел или на время? – спросил Егор, выдохнув сгусток ненависти, который давил ему горло. – Ты не знаешь?

Маргарита расценила этот вопрос как подтверждение того, что он ничего не знает о том, что она выгнала Димку, и сразу успокоилась.

– Не зна-аю, Жорик. Наверное, он придет. Да точно придет! Только вот не знаю, когда. Но если ты его увидишь, скажи ему, чтобы возвращался, что мама волнуется.

Мама волнуется!

Прижав трубку плечом, Егор вытащил из стакана карандаш, сломал пополам и швырнул на середину иранского ковра.

Потом вытащил еще один.

– Вот что, Ритуля. Давай-ка ты вылезай из ванны и собери его вещи. Я сейчас отправлю за ними Наталью Васильевну, нашу домработницу. Димка у меня и пока что у меня останется. Я ему передам, что... мама волнуется. Договорились, Ритуля?

Послышался всплеск, – очевидно, Маргарита резко села, расплескав из ванны воду.

– Как у тебя? – спросила она ошеломленно. – Как он мог у тебя оказаться?!

– Приехал на метро, – объяснил Егор. – Ты можешь собрать его вещи?

– Подожди, Жора, я ничего не понимаю. Почему он у тебя?

– Потому что ты его выгнала, – сообщил Егор ласково. – Это неправда! – завизжала Маргарита.

Как же она не догадалась, что Димка побежит не к Егору, а к этому полоумному старику, ее папаше! А ее папаша для Егора – главный человек, главное родной матери, мимолетно расстроилась Маргарита. Что он скажет, то Егор и сделает. Вполне может денег не дать...

– Пока, Ритуль, – попрощался нежный сын. – Не забудь вещи собрать.

Совершенно уверенный, что она сейчас же примется ему звонить, он выключил мобильный, не глядя потыкал в кнопки телефона, стоящего на столе, и стал собирать в портфель бумаги, с которыми еще должен был поработать вечером.

– Дед, это я, – негромко сказал он в сторону телефона, когда умолкло вежливое бормотание автоответчика. – Возьми трубку.

– Алло? – Дед, как обычно, был свеж и бодр или делал такой вид, чтобы не огорчать Егора. – Ты где?

– На работе я. – Егор щелкнул замками портфеля и натянул пиджак. – Если ничего сию минуту не произойдет, скоро приеду. Дед, снаряди эту свою Наталью Васильевну в поход за Димкиными вещами. Вызови такси и дай Маргаритин адрес. Маргариту я предупредил, так что ты к телефону не подходи пока. Димки нет, конечно?

– Конечно, нет, – согласился дед. – Наталью Васильевну я снаряжу. Это правильно, Егор.

– Не знаю, правильно это или неправильно, но сейчас у него при себе имеются одни трусы на все случаи жизни, а таскаться с ним по магазинам мне некогда. Из остального семейства никто не звонил?

– Звонила тетя Люба, – сообщил дед со вздохом, зная, что лучше сказать сразу, чтоб не мучиться. – Вадика забирают в армию. Она просила помочь.

– Угу, – пробормотал Егор. – А когда забирают-то? Послезавтра?

– Почти, – согласился дед.

– Пораньше нельзя было сказать? – Опять его засасывало это семейное болото – чужие проблемы, от которых он всю свою жизнь не мог отвязаться.

– Наверное, можно, но она стеснялась, Егор.

– Кто?! – От изумления Егор даже перестал шарить по столу в поисках сигарет. – Тетя Люба?! У нее стеснительности – как у БТРа, а может, и меньше. Ладно, я ей перезвоню. Все, пока.

Ну их, эти сигареты. В машине у него точно есть еще.

Егор натянул пальто, подхватил портфель и пошел к двери. Останки карандашей, раскатившиеся по иранскому ковру, вежливо хрустели, когда он наступал на них ботинками.

Из засады был хорошо виден освещенный круглыми фонарями подъезд. Отлично просматривалась и нарядная строгость вполне европейского вестибюля за громадными, очень чистыми стеклами.

Почему они такие чистые, когда на улице все время дождь, тротуары залиты мутной жижей из снега, автомобильного масла, соли, воды и песка? Колеса выплескивают эту жижу на ноги и пальто прохожих, на бока других машин, на здания и деревья. А светлый вестибюль так торжественно-самодоволен, так отмыт и свеж, что кажется глянцевой фотографией из другой жизни, только что наклеенной на унылую серую стену.

Из автоматических дверей, открывающихся с бесшумной неторопливостью, то и дело выпархивали красавицы, по одной и стайками. Широкими шагами выходили мужчины. Одни задерживались на просторном крыльце, продолжая свои важные мужские разговоры, другие сразу сбегали вниз к таким же важным и дорогим машинам. Двигатели заводились мгновенно и не оскорбляли слух непристойными завываниями, столь свойственными машинам дешевым.

Московский офис империи «Судостроительные заводы Тимофея Кольцова» заканчивал работу.

Тот человек, судя по всему, будет один и выйдет поздно. Это очень хорошо – никто не сможет помешать.

Только бы не пропустить и не ошибиться.

Из укрытия были хорошо видны не только подъезд и вестибюль, но и вся стоянка. Стоянка небольшая, вместительная, закрытая с улицы. Въезд перегорожен шлагбаумом. Рядом – будочка, в ней два охранника. Они по очереди выходят покурить. Один выходил три, а второй четыре раза. Это значит, что прошло уже около часа.

Впрочем, спешить некуда, время есть.

Поток машин на Ильинке, и без того не слишком плотный, совсем поредел. Начальники первой волны – средние и мелкие – уже проехали, а высокие еще трудятся.

Выполняют и перевыполняют.

Решают и перерешают...

Красавицы тоже иссякли. Неторопливые автоматические двери пропускают в основном мужчин, которые выходят по одному и не сбегают, а солидно проносят себя до автомобилей.

Не пропустить бы. Ошибиться никак нельзя...

Очень высокий человек в распахнутом длинном пальто вышел из лифта и остановился посреди залитого светом холла, словно давая себя рассмотреть. Он что-то неслышно говорил в телефон, очки поблескивали с холодным высокомерием.

Он.

Нужно дождаться, когда он выйдет на крыльцо, и тогда – вперед. Ни секундой раньше или позже, иначе можно нарваться на охрану.

Ну сколько можно говорить?

Выходи...

Ну выходи же!..

Мужчина за чистым стеклом небрежно сунул телефон в карман пальто, слегка кивнул кому-то и широкими шагами пошел к двери.

Да. Сейчас.

Лидия выскочила из засады, пулей пронеслась мимо будочки со шлагбаумом, поскользнулась на подмерзшем асфальте, удержалась на ногах и вылетела наперерез Шубину, как раз когда он оказался на нижней ступеньке крыльца.

Хлопнула дверь, загрохотали ботинки – из будочки вывалились охранники.

– Егор Степанович, – выпалила Лидия, – моя фамилия Шевелева, газета «Время, вперед!», мы разговаривали с вами утром по телефону. Мне необходимо с вами поговорить.

Мужчина смотрел на нее сверху вниз, и за стеклами его очков было невозможно разглядеть выражения глаз. Он смотрел и молчал, и Лидия неожиданно сильно струхнула.

– Егор Степанович...

Он молчал еще секунду, и Лидия уже решила, что сейчас он отдаст ее на растерзание охране.

Сзади ее сильно толкнули, и от неожиданности она уронила портфель.

– Все в порядке, это пресса, – сказал Шубин как ни в чем не бывало. – Пресса всегда появляется... внезапно.

– Вы ее знаете, Егор Степанович? – тяжело дыша прямо ей в ухо, спросил подбежавший охранник.

– Знаю, – кивнул Шубин.

– В следующий раз, девушка, – очевидно, не сдержавшись, добавил второй, – если вы так побежите, вас кто-нибудь пристрелит.

– Это точно, – подтвердил первый. – Вы в офисе разговаривать будете, Егор Степанович? Если в офисе, тогда зарегистрировать бы надо.

– В офис я ни за что не вернусь, – проговорил Шубин, продолжая внимательно изучать ее, как будто сообщал ей новость. – Пойдемте в мою машину. Спасибо, ребята!

Он отвернулся и пошел куда-то вбок, как бы за здание, совершенно не заботясь о том, идет за ним Лидия или нет.

Ну и юрист. Не юрист, а террорист какой-то.

Он свернул за ряд голубых елей, засыпанных снегом и по-новогоднему нарядных. Лидия трусила за ним, как провинившаяся собака за хозяином. За елями оказалась еще одна стоянка, на которой дремали всего три машины: два громадных тяжеловесных джипа и какой-то длинный представительский лимузин.

Один из джипов при их приближении весело хрюкнул, подмигнул фарами и весь залился светом изнутри и снаружи. Лидия от неожиданности даже приостановилась.

– Ну что же вы? – спросил Шубин насмешливо. – Садитесь.

– Егор Степанович, мне очень неловко, что я...

– Извинения можете потом написать на бумаге и прислать мне на факс. – Он распахнул перед ней дверь. – Садитесь.

– У меня только одна... – все пыталась объяснить она, неловко взбираясь на высокую подножку.

Он подождал, пока она наконец усядется, захлопнул дверь, обошел джип, в свете фар и в фалдах своего длинного пальто очень похожий на графа Дракулу, сел на водительское место и включил зажигание.

– Что вам нужно?

Лидия смотрела на него во все глаза.

Он был совсем не таким, каким она его себе представляла. Он оказался старше и... неприятнее, чем на фотографиях или по телефону. Пожалуй, ему за сорок, а не около сорока, и он самоуверен до такой степени, что хочется сию минуту сделать что-нибудь, что лишило бы его этой самоуверенности. Он из тех людей, в разговоре с которыми никогда не можешь найти «достойного ответа», зато к трем часам ночи сочиняешь целые монологи с единственной целью – как-то оправдать в собственных глазах то, что он так и не признал в тебе человека... Да еще очки...

Консервативные, как «кадиллак» пятьдесят третьего года, стильные, стоящие бешеных денег. Не очки, а символ общественного и материального положения.

И глаз не видно. И выражение лица не разберешь.

Очень удобно.

– Егор Степанович, меня зовут Лидия Шевелева, – решительно начала она. – Мы разговаривали утром по телефону, помните?

Он молча кивнул.

– Мне пришлось ловить вас таким... странным образом потому, что вы не стали бы со мной встречаться, а мне это очень важно.

– Я не дам разрешения на интервью, госпожа Шевелева, – сказал он ровно. – Вы не будете возражать, если я закурю?

Боже, он еще и вежливый! Впрочем, говорят, и крокодилы плачут, когда поедают очередного зазевавшегося туриста.

– Нет-нет, – заторопилась Лидия, – то есть да-да, курите, пожалуйста.

– Вот спасибо, – поблагодарил он. – Вы курите?

Лидия прикурила от его зажигалки, хотя ей вовсе не хотелось курить. Перед тем как выскочить из кустов, она выбросила в снег сигарету. Зато у нее появилась секунда, чтобы обдумать и подкорректировать свою речь.

Егор Шубин сбоку взглянул на нее.

Не только голос был похож на французский коньяк. Она вся была... похожа. Не так чтобы уж очень хороша, но, взглянув на нее раз, хотелось посмотреть еще. У нее было яркое лицо – темные глаза, темные брови, красивый рот. Волосы до плеч, гладкие и блестящие, мечта любого мужчины. Сосредоточенный лоб – очевидно, она быстро решала, как именно с ним разговаривать, – смугло-розовые от холода щеки, длинные пальцы. Много колец, но никакого маникюра. Или это у них теперь такой специальный маникюр, создающий видимость отсутствия маникюра?..

– Егор Степанович, – начала она, поднимая взгляд от узла его галстука до очков, – мне очень неловко, что я заставляю вас терять время, да еще в конце рабочего дня... – Она приостановилась, давая ему возможность воскликнуть «ничего-ничего!», но он молчал, ничем ей не помогая. – Но для меня это очень важно.

«Да ему-то что за дело, важно это для тебя или нет, – быстро пронеслось в ее голове, – давай говори, что хотела, и выметайся из его машины, быстро!»

– Мое начальство очень недовольно тем, что я так и не смогла уговорить вас на... сотрудничество с нами. Я пыталась убедить всех, что это ваша принципиальная позиция, но... все равно лучше было бы интервью, а не позиция... – Она храбро улыбнулась, чувствуя, что ее затея, казавшаяся такой замечательно логичной и легко выполнимой, с треском проваливается и вот-вот провалится совсем.

Почему она решила, что этот человек, высокомерный, как английский принц в гостях у вождя зулусов, изучающий ее с таким брезгливым, но привычно-вежливым интересом, будет в чем-то ей содействовать? С чего она взяла?!

– Прошу прощения, – сказал вдруг английский принц, – но я что-то никак не могу уловить суть проблемы.

Лидия залилась краской так, что ей показалось, что весь салон осветился ровным красным светом.

Господи боже мой, как неловко, как унизительно... Спина моментально взмокла, шарф стал колоть шею, и лоб, наверное, блестит лихорадочным блеском, и Шубин, конечно же, заметил ее глупое смятение и то, что она совершенно не готова к разговору. Вот тебе и журналистский профессионализм!..

«Быстро и четко скажи ему то, что тебе надо, сделай непроницаемое лицо, выслушай отказ, поблаговари и выйди из его машины».

– Егор Степанович, мой шеф, Леонтьев Игорь Владимирович, отстранил меня от этого интервью. Он решил, что сам попытается поговорить с Тимофеем Ильичом, пусть даже не сейчас, а когда вы дадите нам... разрешение. А говорить должна я. Это *мое* интервью, я целый месяц готовилась, для меня это очень важно. Это... шанс перейти в другую профессиональную категорию.

Ну вот. Самое страшное она сказала.

– Понятно. – Егор подавил желание рассмеяться.

Девчонка выскочила ему наперерез из кустов исключительно для того, чтобы в каком-то неопределенном будущем заполучить интервью с важным человеком. Для этого ей надо убрать с дороги собственного шефа и сделать это с помощью Егора Шубина.

Ход конем.

Белые начинают и выигрывают.

Кто сказал, что проституция – древнейшая профессия? Журналистика куда древнее и продажнее! Проститутки, по крайней мере, не делают вид, что они чисты и неподкупны. А журналисты делают. Да еще лезут друг на друга, пихаются, жалят, как раздраженные скорпионы, – и все для того, чтобы продаться подороже.

Он как-то моментально и очень сильно рассердился. Такое с ним редко случалось.

– Боюсь, что ничем не смогу вам помочь. – Егор раздавил в пепельнице сигарету. – Вопрос о том, кто именно будет интервьюировать Тимофея Ильича, решается вовсе не на моем уровне. Позвоните дежурному в пресс-службу, вам там все объяснят.

Ему было почему-то обидно, что эта девица с ее теплым коньячным голосом и интеллигентным тонким лицом оказалась таким же скорпионом, как и все ее сородичи по профессии. – Егор Степанович...

– Мне больше нечего вам сказать. Простите, я должен ехать.

– Да-да, – пробормотала совершенно уничтоженная Лидия. – Конечно.

Пошарив рукой по кожаной обивке, она нащупала холодную металлическую ручку, надавила – Шубин не сделал ни одного движения, чтобы помочь ей, только смотрел с внимательным презрением, – выбралась на улицу, как-то ужасно неловко, задом, попятилась, бормоча ненужные прощальные слова, отступила в снег, чуть не упала и захлопнула наконец дверь.

Джип постоял еще секунду, как будто подготавливаясь к прыжку, и вдруг рванул с места так, что из-под колес ударил веер слежавшегося снега. В конце короткой аллеи он затормозил, злыми красными искрами полыхнули и погасли тормозные огни, и джип пропал из глаз.

Лидия перевела дух.

Потом она выбралась из сугроба, с преувеличенной старательностью потопала ботинками по сухому асфальту, достала сигарету и закурила, стараясь принять независимый вид.

«Господи, как он все неправильно понял!

Да это не он понял, а ты ему так все объяснила, идиотка! Впрочем, сожалеть теперь не о чем. Мосты сожжены, и интервью с Кольцовым мне не угрожает. По крайней мере, пока у него работает Егор Шубин».

Да, отличный был план, что и говорить. Отличный, продуманный до мелочей, способствующий дальнейшим карьерным взлетам.

Лидия сердито засмеялась.

«Хорошо, если он вообще не перекроет нашей газете доступ к своему шефу. Вот чего ты добила, идиотка чертова!»

Нужно срочно позвонить Леонтьеву и во избежание дальнейших недоразумений растолковать ему, какие героические усилия она предприняла, чтобы добиться разрешения на интервью.

Чтоб он разбился на своем джипе, этот проклятый Шубин! Желательно немедленно и насмерть!

– Столик заказан? – До отвращения вежливый молодой мужчина с необыкновенной прической – волосок к волоску, зализанные назад, – поджидал, пока она спрячет в портфель номерок, полученный в обмен на шубу.

– Да, – храбро ответила Лидия. – Меня зовут Лидия Шевелева.

Молодой человек молниеносно, как фокусник, достал из воздуха какой-то список, пробежал по нему глазами, улыбнулся еще слаще и гостеприимно распахнул дверь во внутреннее помещение.

– Проходите, пожалуйста!

На Лидию надвинулся гул голосов, плотное облако табачного дыма и характерный звук поедаемой пищи, свойственный только тесным и многолюдным рестораникам.

– Сюда, сюда! – приговаривал молодой человек заботливо, оглядываясь на Лидию, которая осторожно пробиралась следом. – Вот здесь. – Он отодвинул ее стул, суетливо зажег свечку, что-то передвинул на довольно чистой скатерти, улучшая декорацию, и выложил перед ней папку с меню и еще одну, очень толстую, «карту вин».

– К вам кто-нибудь присоединится?

Лидия подняла на него глаза. Она нервничала и старалась, чтобы это было не слишком заметно.

– Я еще не знаю, – сказала она, стараясь говорить как можно более уверенно. – Но себе я закажу сейчас.

– Конечно, конечно, – пропел молодой человек и поспешно отошел, как бы опасаясь, что его ничтожная персона помешает Лидии заказать то, что ей хочется.

Проводив его глазами, она с облегчением вздохнула, закурила и оглянулась по сторонам.

Очевидно, клуб «Две собаки» был весьма популярным заведением, потому что все столики вокруг и даже за низкой декоративной стеной из красного кирпича были заняты. В сизом сигаретном дыму плавали огоньки свечей. Три гигантских телевизора показывали какие-то спортивные соревнования, болельщики сидели вокруг на высоких табуретах, оглушительно ревели и запивали каждый острый момент пивом из длинных тяжелых кружек. Большая компания, судя по развешанным на спинках стульев пиджакам только что вывалившаяся из близлежащего офиса, что-то громко обсуждала на странной смеси русского, английского и немецкого языков. Справа в арочном проеме виднелись три бильярдных стола. Занят был только один. Две спортивного вида девицы лениво гоняли шары, которые сталкивались с приятным костяным звуком.

Лидия немножко успокоилась. Вполне приличное место. Ничего страшного, и даже можно поесть. Есть ей очень хотелось.

Интересно, когда появится таинственный информатор? Или это информаторша?

Леонтьев дал ей миллион наставлений, как именно следует себя вести, чтобы не попасть впросак, как будто она отправлялась на прием к шефу ЦРУ. Он десять раз повторил, чтобы она немедленно позвонила ему, как только встреча состоится. Он был заботлив, как во времена их романа, и Лидия опять немножко грустила, сетуя на то, что так ничего у них и не вышло.

Грустила она минут десять, а потом все мысли переключились на предстоящую встречу.

Леонтьев может быть совершенно спокоен. Она ничего не испортит. Конечно, у нее нет опыта общения с неизвестными «источниками», как они называли информаторов, но она профессионал, она вполне справится.

Подумав о своем профессионализме, Лидия вспомнила недавний инцидент с непробиваемым господином Шубиным, и ей стало стыдно. Как это ей в голову пришло пригласить его в союзники?!

Вот тебе и профессионализм!

Чтобы отделаться от чувства стыда и недовольства собой, Лидия быстро открыла меню и заставила себя вчитаться. «Пожалуй, возьму салат и большой стейк с цветной капустой. Интересно, у них есть цветная капуста? И какое-нибудь светлое немецкое пиво».

Она открыла вторую папку – «карту вин» – и с изумлением уставилась на тонкую книжечку, которая лежала поверх обтянутой целлофаном страницы.

Уверенная, что это какое-то клубное предложение, она лениво взяла книжечку в руки. Книжечка называлась почему-то «Янтарный сказ», была издана Калининградским издательством и содержала, судя по надписи, стихи молодых поэтов.

Лидия весело удивилась способу, которым молодые поэты продвигали свой сборник, и открыла первую страницу.

Что за черт?

Сборник стихов молодых калининградских поэтов открывался ксерокопией письма в Правительство Российской Федерации с просьбой предоставить налоговые и таможенные льготы какой-то фирме, занятой поставкой гуманитарных грузов в Афганистан.

Что-то вдруг толкнулось в мозг, стало тревожно и интересно. Лидия оглянулась по сторонам, села прямо и стала быстро читать. Дальше шла первая страница договора между той

фирмой, что просила льготы, и еще какой-то о покупке меди и никеля. Ни подписи, ни печати, ни даже окончания договора не было.

Третья страница начиналась поэтически: «В таинственной глубине Балтийского моря, скрытый от человеческих глаз, рождается янтарь – один из самых прекрасных минералов на нашей планете. Многие ты сячелетия заключены в его прозрачной глубине, как в темнице, и лишь тонкому ценителю открываются его загадки и тайны».

Остальной текст был заклеен короткой компьютерной распечаткой: «Если вы хотите больше узнать о янтаре, вам предлагается для опубликования сборник ответов на загадки. Цена – две тысячи, гарантия – платежное поручение о переводе денег. На этом же месте через два дня, в понедельник. В случае вашего отсутствия повторное предложение сделано не будет».

Лидия осторожно, как сапер, держащий в ладони мину, закрыла книжку «Янтарный сказ» и, глянув по сторонам, проворно спрятала в портфель. После чего позволила себе закурить. Сигарета чуть-чуть дрожала.

Дураку ясно, что речь идет о холдинге «Судостроительные заводы Тимофея Кольцова», в который входит компания «Янтарь».

«Итак, это компромат на Кольцова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.